

16+

Джилл Симс

ПОЧЕМУ



МАМА



СНОВА



НАВЕСЕЛЕ



ДНЕВНИК  
ИЗМОТАННОЙ  
МАМЫ



Бестселлер  
Sunday  
Times

**Джилл Симс**

# **Почему мама снова навеселе**

**Серия «Дневник измотанной мамы»**

*Текст предоставлен издательством*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=66735398](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66735398)*

*Почему мама снова навеселе: АСТ; Москва; 2022*

*ISBN 978-5-17-138745-7*

## **Аннотация**

Эллен так долго была мамой и женой, что полностью растерялась. И несмотря на ее титанические усилия, ни один из обожаемых членов ее семьи так и не знает, где в доме искать корзину для грязного белья, или в чем разница между скукой и голодом, или что фраза «Мамочка, я никак не могу этого найти» – совсем не то же самое, что активные поиски!

Полностью одурев от школьных экзаменов деток и испытаний в автошколе, она делает все возможное и невозможное, чтобы удержать свою семью на плаву, даже когда каждый тянет одеяло на себя и норовит улизнуть в нежелательном направлении – не забывая потребовать у нее сверток с бутербродами и яблоком поутру. Она чувствует себя восьмируким, но недооцененным индийским божеством. Единственное, что мама знает наверняка, – чем старше дети, тем крупнее бокал нужно запасти.

Смешное и лирическое завершение серии маминых откровений.

# Содержание

Январь	6
Пятница, 25 января	6
Февраль	48
Пятница, 1 февраля	48
Суббота, 16 февраля	54
Конец ознакомительного фрагмента.	111

# Джилл Симс Почему мама снова навеселе

**Gill Sims**

**WHY MUMMY's sloshed**

© Gill Sims 2020

© Перевод. ООО «Издательство АСТ», 2022.

Выполнен по лицензии HarperCollins Publishers Ltd.

Дизайн обложки © HarperCollinsPublishers Ltd 2020

Иллюстрации на обложке © Tom Gauld/Heart Agency

\* \* \*

*Посвящается Полине*

*Я же говорила, что все будет норм*

# Январь

## Пятница, 25 января

Закончила чаевничать, поставила чашку в посудомойку. Несмотря на беспокойную ночь, когда спала урывками и просыпалась от кошмаров, в которых убегала от гнавшихся за мной на бешеной скорости адских клоунов в гоночных болидах, утром я была на удивление собранной: встала, оделась, выгуляла и покормила собак, с боем пробудила своих ненаглядных сонь от спячки, но вот заставить их съесть хоть что-нибудь полезное на завтрак не смогла. Еще удалось минут пять проскроллить колонку позора в *Daily Mail* и выпить вторую чашку чая, размышляя, что, может, и мне стоит почаще «выставлять ножки напоказ», вдруг на них кто-нибудь клюнет, и стараться «не скрывать свои формы». Хотя лучше будет не забивать себе голову подобной ерундой, а то скоро дойдет до того, что я устроюсь перед телевизором, стану смотреть «Доброе утро, Британия!» и соглашаться во всем с ведущим Пирсом Морганом.

Хотя о таком безмятежном утре я могла раньше только мечтать, ведь тогда мне надо было накормить сопротивляющихся малышей завтраком *Weetabix*, а им было интереснее подбрасывать разбухший в молоке овсяный батончик до по-

толка, чем отправлять его себе в рот (вы хоть представляете, как трудно отодрать присохшие намертво к штукатурке комки *Weetabix*? Намного труднее, чем отколупать саму штукатурку). Такое спокойное утро было просто невозможно, ведь надо было собрать детей в садик: ты пытаешься натянуть ботинки на одного ребенка, который «забыл», для чего нужна обувь, при этом убеждаешь другого, что ему таки надо надеть штаны, потому что в детсад с голым задом не пускают, и никакая *Раста-мышь* из мультика тебе не указ.

Разумеется, и сейчас не каждое утро выдается таким благостным. Все еще нет-нет, да и приходится орать: «НЕ ЗНАЮ Я, ГДЕ ТВОЯ ФИЗКУЛЬТУРНАЯ ФОРМА, ИЩИ САМ!» или «Просто стоять посреди комнаты с потерянным видом и канючить, что не можешь ничего найти, НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ!» – при этом материться вполголоса, потому что пытаешься залогиниться в дурацком электронном кошельке *ParentPay*, чтобы в очередной раз пополнить счета своих школьников.

Однако накануне вечером я проявила больше организованности, чем обычно, и заставила детей заранее собрать портфели, приготовить спортивную форму и принадлежности для ИЗО, потому что следующее утро хотела провести без стресса, крика и ругани, ведь у Джейн сегодня экзамен по вождению, а значит, надлежало создать безмятежную, мирную обстановку, чтобы она могла сосредоточиться и сконцентрироваться перед экзаменом. Было так приятно осозна-

вать, что мои старания увенчались успехом.

Пора было выходить. Я взяла ключи, сумку, пальто, попрощалась с собаками и позвала Джейн, чтобы та спускалась.

Спустя двадцать минут моих настоятельных призывов от Джейн все еще ни слуху ни духу. Пришлось подняться на второй этаж и начать тарабанить в ее дверь, из-за которой доносилось лишь невнятное ворчание, на что я ей не шутя пригрозила, что если СИЮ минуту она не спустится вниз, то я уезжаю без нее (хотя какой смысл мне ехать на ее экзамен без нее?). И что вы думаете? Ноль реакции – стою я под дверью дальше и хриплю осипшим голосом.

– Джейн! ДЖЕЙН! Шевелись, Джейн! Мы опаздываем! Джейн, ты меня слышишь? ДЖЕЙН! Ты меня слышишь или нет? Ради всего святого, Джейн, давай уже выходи, нам надо ЕХАТЬ!

Питер высунул голову из своей спальни.

– Мам, а ты не можешь типа не орать, а? Я щас в Xbox с друзьями, и они тебя слышат. Это рили напрягает.

– Тогда будь добр, скажи своей сестре, что нам надо уже ехать!

– Ваще-то, мам, у меня тут игра идет вовсю! – возмутился Питер, нахлобучил наушники и вернулся к своей дебильной компьютерной игре, которая наверняка сжигает все его нежные подростковые синапсы дотла.

– Питер! – перекинулась я на него. – ПИТЕР! Выключай

компьютер и собирайся в школу, ты же опоздаешь. У меня нет времени везти тебя на остановку, ты идешь пешком! Питер! Ты слышишь меня?

Из комнаты Питера донеслось хрюканье, которое могло означать что угодно: например, что он меня слышит и сейчас начнет собираться, хотя точно таким же хрюком тинейджеры общаются между собой в интернете, а может, это хрюкнул компьютер, когда сын прикончил в игре еще одну ведьму. Учитывая, что Питер вымахал выше меня на десять сантиметров, я просто физически не смогу вытащить его из-за компа и мне остается лишь изрыгать пустые угрозы да время от времени менять пароль от вайфая, чтобы он хоть разочек меня послушался.

– ДЖЕЙН! – крикнула я снова, поражаясь тому количеству дней, месяцев, да что там, лет, которые я провела на лестнице, тщетно взывая к своим любимым чадам, чтобы они покинули норы и вышли из дома. Количество этих часов, наверное, будет удручающим и сопоставимо с тем, что проводишь на унитазе за всю свою жизнь, хотя, как мне представляется, время в сортире должно быть подсчитано отдельно для мужчин и для женщин, ибо моему уму непостижимо, насколько разительно пищеварительная система мужского организма отличается от женского, потому как мужчины сидят в туалете приблизительно в пятнадцать раз дольше. По крайней мере, в следующий раз, когда мне на глаза попадется статистика, утверждающая, что 213 дней своей жиз-

ни мы проводим в туалете, я спокойно посчитаю эти данные искаженными, потому что на моем опыте женщинам едва ли удастся за всю свою жизнь набрать хотя бы дня три на вынужденную стремительную дефекацию, в то время как мужчины проводят на толчке кучу времени, вдумчиво и основательно опорожняая кишечник.

От таких занимательных мыслей меня отвлекла Джейн, наконец-таки выплыв из своей комнаты и продефилировав вниз по лестнице.

– Наконец-то! – сказала я. – И чем ты все это время занималась?

– Делала укладку, не видно? – отрезала Джейн.

– Ну конечно, – выдохнула я. Как же глупо с моей стороны было предположить, что в жизни может быть что-то важнее, чем ежеутренний ритуал поклонения Великому Алтарю Стайлера Всемогущего.

– Ну пошли уже, а то опоздаем!

– Расслабься, мам! – ответила Джейн. – Что ты вечно стрессуешь? Это вредно, ты же в курсе. Закончишь инфарктом. И вообще, у нас вагон времени!

– Нет, не вагон!

– Ну, я просто прибавлю газу по дороге, и будет норм.

– Нет, Джейн, так нельзя. Нельзя, чтобы тебя оштрафовали за превышение скорости по пути на экзамен по вождению! И потом, пока у тебя нет прав, оштрафуют меня, а ты не получишь страховку, если тебя остановят за превышение

скорости.

– Ну, раз уж ты заговорила о страховке, значит ли это, что ты мне и машину купишь, если я получу права? – стала тут же клянчить Джейн.

– Что? Еще чего! Про такое я не говорила.

– Ну и какой смысл тогда разговаривать, если ты не собираешься покупать мне авто? На чем мне в школу ездить, если у меня нет машины?

– На автобусе! Как все последние шесть лет, – уточнила я. – Бессмысленно обсуждать это сейчас даже чисто теоретически, потому что ты еще не сдала экзамен и не сдашь, если будешь стоять тут и рассуждать. Выходи уже, мы опаздываем!

Наконец Джейн села в машину, не спеша разложила на плечах безупречно завитые локоны, и мы направились в экзаменационный центр, я – на пассажирском сиденье, намертво вцепившись в дверную ручку, аж пальцы посинели. На каждом повороте меня накрывала паника, но я сдерживалась и пыталась не нервировать Джейн, хотя меня так и подмывало закричать, видя любую впереди идущую машину, «Тормози! Тормози!» или же «Поворотник! Включи поворотник, мать твою!».

Джейн запретила мне повторять «зеркало – сигнал – маневр» перед тем, как стартовать, – это единственная мантра, которую я запомнила со своих уроков вождения, – а все после того, как мы с ней поцапались из-за ее комментария, что

я сама-то не особо выполняю эту последовательность, и потому у меня произошел небольшой тет-а-тет с соседской машиной (я называю это по-французски *bijou tête-à-tête*, хотя Джейн неизменно говорит про тот эпизод «Это когда ты машину опять стукнула, мать?»).

С грехом пополам мы добрались до учебного центра, все-го-то два раза застряли на светофоре. Нынешний наш приезд был второй попыткой Джейн сдать тест. После того как она с легкостью сдала теорию и даже не сделала ни одной ошибки в разделе «Помехи на дороге» (я просто поражаюсь: когда она за рулем, то для нее помех не существует), ей тут же захотелось сдавать практику, что закончилось бурным потоком слез и обвинений в нечестности бедного трясущегося инструктора, который прекратил тест раньше времени и потребовал вернуться в экзаменационный центр, потому что Джейн пыталась на кольце ехать противотоком, что по мнению рыдающей Джейн «с каждым могло случиться!».

Я до сих пор сомневаюсь, готова ли дочь сдавать вождение, принимая во внимание все то, что она вытворяет, когда ездит со мной «для практики» (а я намеренно выбираю маршруты без круговых перекрестков), но ее инструктор думал иначе. И кто я такая, чтобы спорить с инструктором, тем более что выкладывать каждую неделю из своего кармана годовой бюджет Люксембурга за ее уроки вождения мне не улыбалось, да и устала я каждый день молиться всем богам и святому покровителю Коробки Передач в частно-

сти (представляю его в виде автомеханика Эда Чайны из телешоу «Махинаторы», с такими здоровенными сексуальными ручищами), чтобы уберегли коробку передач в моей машине от преждевременного изнашивания, пока на ней ежедневно тренируется моя дочь. Вероятно, мои молитвы были услышаны, а также, что более вероятно, инструктор устал слушать скрип рычага коробки передач своей машины под саркастические замечания и закатывания глаз Джейн, потому-то он с превеликим энтузиазмом разрешил ей пересдавать экзамен.

Я даже не успела спросить Саймона, отца Джейн и моего бывшего мужа, что тот думает о готовности своей дочери получить права, потому как после одного-единственного тренировочного заезда с ним, не успев проехать и мили, Джейн аварийно остановилась посреди трассы, вышла из машины и пошла домой пешком, объявив, что больше никогда в жизни не сядет за руль в компании такого нудного пассажира с его непрошенными советами. Будет справедливым отметить, что со мной тоже такое было, хотя, к моему счастью, на тот момент у меня права были и потому машину покинул Саймон. Ему пришлось чесать пешком домой, и он действительно до того нудный, что все время пытался нащупать своей правой ногой педаль тормоза и всю дорогу орал на меня: «Впереди машина, Эллен, ты видишь, впереди тебя машина, тормози, Эллен, машина же впереди!» Честно, не понимаю, как я не развелась с ним еще тогда, а сделала это лишь годы спустя,

хотя та пешая прогулка в четыре мили послужила ему хорошим уроком и он перестал лезть со своими наставлениями в мое вождение.

К несчастью, Джейн достался тот же экзаменатор, что и в прошлый раз, и по его побледневшему лицу стало понятно, что он ее тоже помнит. Сей факт несколько не смутил Джейн, она задорно умчала вдаль с бедным экзаменатором, у которого из опознавательных знаков был только блокнот, а ведь раньше они носили особые форменные куртки и водительские перчатки, а может, это я придумываю, потому как в юном возрасте насмотрелась комедийного телешоу «Кулак веселья» (когда Джейн ездит со мной, я все время подавляю желание накинуться на нее в стиле тогдашних ведущих Стюарта Ли и Ричарда Херринга: «Ты че, дура? Ты ваще ТП! Научись водить машину, коза!» – боюсь, она не поверит, что подобные комментарии в девяностые считались смешными и приемлемыми в комедийной передаче).

А я между тем зашла посидеть в запотевшее придорожное кафе. Имеются в виду окна, запотевшие от холода, а не от жара и порноугара – интересно, бывают ли порнокафешки? В Амстердаме, наверное, есть, там к таким вещам проще относятся. Здесь же, чтобы открыть подобное заведение, пришлось бы пройти столько инстанций и проверок, от вас бы потребовали соблюдения санитарно-гигиенических норм и прочей бюрократической казуистики по минимизации рисков производственных травм у обнаженного персонала при

работе в горячем цеху на кухне и т. д. и т. п. Если подумать, то лучше таких кафе вообще не устраивать. Но ведь существуют кафе с котами, а вот собачьих кафе я почему-то не встречала, хотя странно, ведь кошки по большому счету людей не любят, в то время как собаки (не считая моего дряхлеющего терьера-ворчуна Джаджи, а он в душе кот) обожают людей и просто сошли бы с ума от радости, если бы посетители беспрестанно чесали у них за ушком и потихоньку скармливали им пирожные под столом.

Определенно, мысль о кошачьем порнокафе (можно ведь сделать два в одном и назвать кафе *Pussy*) была призвана отвлечь меня от горьких размышлений о том, какая я стала старая, какая у меня взрослая дочь, что уже сама водит машину, еще чуть-чуть и она будет самостоятельно покупать и распивать алкоголь. В том смысле, что сможет покупать и распивать спиртные напитки уже по закону. В пабе у нее больше не будут спрашивать документы. Вообще-то мне нравится считать себя либеральным родителем, хотя читатели консервативной *Daily Mail* сочтут мое воспитание «попустительством»: я разрешаю семнадцатилетней Джейн экспериментировать со слабоалкогольными напитками в разумных количествах. То есть я разрешаю ей брать на вечеринки сидр и делаю вид, что не замечаю ее похмелья на следующий день, ведь они там накачиваются еще и крепленным портвейном – видимо, все возвращается и молодежь сейчас опять мешает водку с вином и экспериментирует с коктейлями. Подумать

только! У них сейчас такой большой выбор всяческих экзотических вкусов, чего стоит «Кислотный арбуз», а в наши дни мы могли выбрать только между клубникой и персиком. А что пила я? Клубнику или персик? Боже, уже и не помню, так давно это было – теперь я старая кошелка, у которой взрослая дочь. Единственное, прошу тебя, господи, не дай ей залететь в ближайшие десять лет. Избавь меня от преждевременного превращения в бабушку Эллен. И мать моя не оправится от чудовищного удара, что она стала прабабушкой!.. Хотя это не так страшно, как стать бабушкой, когда тебе еще даже и пятидесяти нет!

Дети стремительно взрослеют, и так странно, что после стольких лет своей жизни, когда ты только и думала, как бы прокормить сперва одного, потом двоих, и молилась, только бы они не болели, как тут – на тебе, все, это уже не твоя забота. Перед прошлыми рождественскими каникулами мы все нервничали, оформляли документы в вуз через онлайн-платформу, выбирали для Джейн университет, специальность, курсы, а ведь, казалось, совсем недавно я заполняла подобные анкеты для самой себя. Когда я говорю «“мы” заполняли и нервничали», надо понимать, что в основном нервничала я и пыталась заставить Джейн заполнить форму, а потом показать мне, но все напрасно: она мне заявила, что все документы уже отправила и даже не соизволила сказать, куда она собралась поступать и что там написала в своем мотивационном письме. Лишь позже, после долгих уговоров и

слезных просьб, она с неохотой сообщила, в какой университет и на какую специальность подала заявление. Первым у нее шел Эдинбург, и это странно, ведь именно там учились мы с Саймоном – мне казалось, что она не пойдет туда из принципа, но с другой стороны, там очень сильные история и политология (ее текущий выбор), а еще, по ее словам, «ну, это достаточно далеко, так что ты не сможешь часто приезжать».

Взяла я себе большую чашку чая и булочку (господи, я ведь уже готовая бабушка), села за столик и приготовилась грызть ногти, ожидая возвращения Джейн. Честно, не знаю, какой исход более желателен. Если Джейн сдаст тест, то сможет подбрасывать меня в паб и мне не надо будет больше ее возить, а если Джейн завалит тест, то мне не придется делить с ней свою машину и я смогу спокойно спать, не мучаясь от мысли, что она валяется в покореженной машине на дне какой-нибудь канавы. По правде говоря, вера моя в способности Джейн управлять транспортом сформировалась еще в то время, когда ей было четыре с половиной годика, к нам тогда пришла в гости моя близкая подруга Ханна со своими детьми Эмили и Лукасом (которые, в свою очередь, стали лучшими друзьями для моих детей). Они привезли с собой детский электрический джип, от которого у Питера и Джейн снесло башню и их было от него не оттащить.

Питер забрался в него первым, ему на тот момент было два с половиной годика – Ханна уверяла, что такому малы-

шу управиться с джипом не под силу. Но Питер несмотря на юный возраст превосходно справился с машиной: он и поворачивал в разные стороны, и сдавал назад, и даже припарковался как надо. Дошла очередь до Джейн.

– Хочу, чтобы Эмили поехала со мной! – настаивала Джейн, и конечно же ее подружка запрыгнула к ней в машину.

– Как же здорово, Эмили! – воскликнула Джейн, втопила педаль газа и перелетела через газон прямо на дорогу, ни дать ни взять заправский гонщик – придурок Дюк из Хаззарда.

– О-о, смотри, Эмили, здесь есть телефон! Давай звонить Милли! – восхищалась техническими возможностями машины Джейн, при этом вихляя по дороге. Я самоотверженно кидалась на машину с криками «ДЖЕЙН! ДЖЕЙН! СТОП! ОСТАНОВИСЬ!», на что Джейн не обращала ни малейшего внимания, ведь у нее в одной руке был телефон, по которому она «разговаривала» с Милли, другой рукой она рулила, ногами упиралась в педаль газа, а тормозов для Джейн не существовало никогда. Лишь когда я заорала изо всех сил «ДЖЕ-Э-Э-ЭЙН!», она обернулась на мой крик – в этот момент, казалось, столкновения с припаркованным впереди новеньким соседским BMW было не избежать.

Но, к счастью, когда она обернулась на мой окрик, нога у нее съехала с газа, тут-то мне и удалось схватить этот чертов электроджип, потянуть его изо всех сил на себя и тем

самым уберечь сверкающую и несомненно дорожную BMW от вмятины.

Никогда в жизни я не испытывала такого гигантского облегчения: подумать только, сколько поводов для «остроумных» замечаний Саймона дала бы Джейн, устроившая в свои четыре года аварию с последующим дорогостоящим ремонтом (этот случай произошел задолго до того, как я его выкинула из машины за пренебрежительные замечания по поводу моего стиля вождения).

За чаем с булочкой прошел томительный час. Семнадцать лет назад даже представить было сложно, что я буду сидеть и ждать, когда Джейн сдаст вождение. Что же я делала семнадцать лет тому назад? В смысле, помимо того, что считала себя старой разбитой клячей, которой уже тридцать один год. Да, те страдания сейчас кажутся мне смешными, ведь теперь мне сорок восемь и для меня тридцатилетние женщины – просто девочки несмышленные! Они же все еще инженерю, юные и полные надежд, и даже не представляют, что такое старость, им еще до этого так далеко. Они сейчас только тем и заняты, что хештеги лепят в инстаграме, в подкастах щебечут о вещах, которых мне не понять, типа в чем польза «бронеккофе» или кимчи. Ну да ладно. Семнадцать лет назад. «Малыши и музыка». Каждое утро пятницы я ходила на музыкальные занятия для малышей. Каждую пятницу рано утром я садилась на твердокаменный холодный церковный пол, пытаюсь удержать на коленях извивающуюся, бунтую-

щую Джейн и при этом хлопать в ладоши, распевать с другими улыбочивыми счастливыми мамашами нудную песенку про веселый паровозик.

Так, чем еще я тогда занималась? Все как-то смутно помнится. Я много ходила пешком. Реально, очень много. Бесконечные прогулки в парке, раскачивание качелей, кормление уток, а вот сейчас, оказывается, запрещено кормить уток хлебом, а это значит, что теперь я вполне могу начинать разговор с фразы «А вот в мое время!», точь-в-точь как моя бабуля, и мне страшно думать, что следующим у меня может вырваться какое-нибудь неприличное расистское высказывание, за которое мне сделают замечание (и вполне оправданно), на что я отмахнусь и отвечу: «В мое время все так выражались, деточка». И если такое случится на публике, то вполне возможно, что какой-нибудь активный гражданин напишет в *Daily Mail* очередную скептическую статью о «Закате политкорректности», в которой неправильно укажут и мой возраст, и стоимость моей недвижимости.

Еще я тогда очень часто делала пюре из овощей, которым Джейн в меня же плевалась. Не сразу до меня дошло, что все те вычурные блюда по рецептам Аннабель Чертовки Кармель, которая безапелляционно заявляла, что абсолютно все дети обожают ее стряпню, Джейн на дух не переносила, а потому наотрез отказывалась есть. Однажды, спустя час уговоров съесть хотя бы ложечку той бурды, которая получилась в результате измельчения, протираания, выпаривания, пюри-

рования, сдабривания моими слезами, мой взгляд упал на фотографию лучезарной Аннабель на обложке ее поваренной книги, и тут у меня в голове перемякнуло. Я вынесла эту книгу на улицу, швырнула ее на землю и стала топтать со всей силы, сквернословя на чем свет стоит. От этого мне так полегчало, что я решила сделать то же самое с другой книгой, только уже за авторством Джинны Негодяйки Форд.

Потом были попытки вернуться на работу. Джейн было полгода, и я грызла себя за то, что меня не мучает совесть, когда я оставляю шестимесячного ребенка на попечении чужих людей в детском центре, что, по мнению моей матери, было неприемлемым, ведь более подходящий вариант для нее – нанять на полный день нянечку, как делала моя старшая сестра Джессика, а не подвергать Джейн пагубному влиянию компании простых детей с их дурными замашками, потому что в таком нежном возрасте они все быстро впитывают и потом уже с этим трудно бороться. Моя мать смутно представляла себе, какие такие дурные замашки могла перенять Джейн в столь юном возрасте, а уж из каких средств я должна была оплачивать няню на целый день, она не знала и подавно. Истинное блаженство заключается в том, что ты переступаешь порог детского центра, где ты оставила на несколько часов свое дитя, и уходишь в мир взрослых людей, с которыми можно включить мозг и вести осмысленные разговоры, самой есть сэндвич и не отрывать от него кусочки для кого-то, кто орет как резаный, пока с ним не поделишь-

ся, а потом выплевывает все тебе в лицо.

И ты начинаешь ценить своих коллег, даже тех, у кого навыки общения в зачаточном состоянии, потому как их общество куда лучше, чем компания неразумного дитяти. Конечно, все ухищрения, связанные с возвратом на работу, были чудовищным напрягом, но оно того стоило, потому что мне нужно было почувствовать себя снова человеком, самой собой. Что и говорить, осуждение со всех сторон не заставило себя ждать: домохозяйки-мамочки неодобрительно цокали языками, потому что работающие матери бросают своих детей на произвол судьбы, а работающие на полную ставку снисходительно говорили, что уж работать на полставки не так-то и сложно, зато другие работающие на полставки утверждали, что их-то полставки будут потяжелее, чем моя половина, и никто не хотел понять, как же мне трудно одной со всем этим справляться.

А чем Саймон был занят семнадцать лет назад? Вообще не помню. Смутно припоминается некий расплывчатый персонаж, который все время требовал ужин, жаловался на усталость, потому что плачущий ребенок не дает ему уснуть, хотя первые полтора года Джейн не давала спать ночью никому, особенно мне. А он никогда не вставал ночью, чтобы подойти к ребенку, ведь ему завтра на работу, где он занят важными делами, и даже когда мой декрет закончился и я тоже вышла на работу, он ни разу не подошел к ребенку. А когда я была беременна Питером и так ухайдайкивалась, что спа-

ла прямо на ходу, он все время был недоволен моими вставаниями посреди ночи, чтобы успокоить плачущую Джейн, так как они не дают ему нормально выспаться.

Оглядываясь назад, я поражаюсь, как я умудрилась забременеть во второй раз. Вообще не помню, чтобы у меня было время на секс, не говоря уж о желании им заниматься, скорее всего, я просто сдалась в какой-то момент (вероятно, на день рождения Саймона), и доказательство тому – Питер собственной персоной. Конечно, своему сыну я не скажу, что его рождение было незапланированным недоразумением и к тому времени я уже была сыта по горло возней с Джейн. Не припомню, чтобы мы с Саймоном сексом занимались, да мы редко тогда вообще разговаривали друг с другом, если не считать бурных стычек на тему того, кто больше вымотался, а однажды вечером, когда он зашел на кухню и начал нудеть о своей смертельной усталости, я еле сдержалась, чтобы не пырнуть его ножом в сердце. Смотрела я на нож, которым резала в тот момент овощи, и на полном серьезе прикидывала, с какой силой надо замахнуться, чтобы проткнуть ему грудную клетку. И еще думала, как бы не перепутать с какой стороны у него сердце, ведь его слева – это мое справа, но тут Джейн опять зашла с плачем и момент был упущен.

И хорошо, что момент был упущен: если бы я тогда порешила ее отца и села в тюрьму, то Джейн вряд ли сдавала бы сейчас вождение, и уж конечно, о Питере вообще не было бы и речи. Отсутствие Питера на белом свете было бы досадным

упущением, но с другой стороны, наша семья меньше мусорила бы и не оставляла бы за собой такой отчетливый углеродный след на планете, учитывая, сколько еды поглощает Питер, сколько электричества тратит на свои компьютерные игры, а уж сколько выпускает в атмосферу метана с момента своего рождения и до сих пор – и не сосчитать. А потом, куда же без туалетной бумаги? Она у нас не задерживается, подозреваю, что он и бумагу тоже жрет. Я вечно хожу в магазин за туалетной бумагой – приходится запоминать кассирш, чтобы не попадаться одной и той же, а то она подумает, что у меня хронический понос.

И я даже не заикаюсь о том количестве бумажных носовых платочков, что он переводит. Моя экологически сознательная часть личности подталкивает к тому, чтобы я перешла с одноразовых платочков на обычные многоразовые, но другая часть сознания бубнит, что мишкам на севере придется подвинуться, потому что меня аж трясоти начинается, как представлю, что придется отстирывать с этих пубертатных платков. Интересно, чем мужская половина человечества обходилась до изобретения бумажных платков? Использовала тканые отрезки? Носки? Листья с деревьев? Убеждена, что самоудовлетворение старо как мир, но ведь не пойдешь в музей антропологии и не полюбишься у экскурсовода: «Меня интересуют исторические исследования вопроса рукоблудия...» И к экологам не обратишься за советом по поводу зеленой альтернативы для желающих порукоблудство-

вать взрослеющих мальчиков.

За такими мыслями я совсем позабыла о булочке, и чай остыл, но в этот самый момент в кафе впорхнула Джейн.

– Я СДАЛА! У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ! Мама, теперь мне все дороги открыты! ПОГНАЛИ!

– Отлично, милая! – ответила я. – Я знала, что у тебя получится, – добавила неискренне. – Тебе не пришлось совершать разворот и ехать задним ходом?

– Нет, не пришлось, – язвительно ответила Джейн. – Надеюсь, что никогда не придется. Это вообще бессмысленный маневр.

– Ты отцу не позвонила, не сообщила ему еще?

– Еще нет, я тебе хотела первой сказать, – улыбаясь, ответила Джейн. – А еще, спасибо, мам, ну ты знаешь, за то, что ездила со мной тренироваться и все такое.

Как же редко дети говорят тебе спасибо и вообще редко бывают тебе благодарны, ведь ты для них только источник еды и, по их убеждению, даватель бессмысленных и непрощенных советов. Но в те редкие моменты, когда подростковые шоры спадают ненадолго с их глаз и они вдруг видят в тебе не только родителя, но и личность, и осознают ценность твоей роли в их жизни, ты все забываешь и почти прощаешь все те бессонные ночи, трудоемкие блюда по рецептам Аннабель Чертовки Кармель, эти закатывания глаз и хлопанья дверьми, все бесконечные фырканыя – «Ой, мать, все».

– Не за что, дорогая моя, – улыбнулась я в ответ, ощущая,

что вот в этот раз я, черт возьми, самая лучшая мама на свете. Хотя ощущение, что ты все делаешь правильно и что твой отпрыск самый воспитанный и милый ребенок в мире, продлится недолго.

Мы вышли из кафе и пошли к машине.

– Короче, само собой, что сегодня вечером машина моя, – выпалила Джейн, – ну чтоб ты знала.

– Э-э, а тебе не кажется, что было бы вежливее *попросить* у меня взять машину, а не просто ставить перед фактом? – начала я.

– Ну, я бы не стала брать твою машину, если бы у меня была собственная! – недовольно возразила Джейн.

– Так или иначе, но ты не можешь пользоваться машиной, пока я не оформила на тебя страховку, – попыталась я урезонить ее.

– Да боже ж ты мой, мать, почему ты всегда все усложняешь? – от благодарной милой Джейн не осталось и следа.

– Это не я усложняю, это закон такой! – напомнила я ей.

– Ой, все! – фыркнула Джейн. – Ты можешь как-нибудь сделать, чтобы я поехала за рулем сегодня вечером на вечеринку к Эми?

– Вот я совсем не уверена, что ты сегодня поедешь на вечеринку и к тому же приедешь сама за рулем поздно ночью, – стала я заводиться. – Ты же ночью самостоятельно еще ни разу не ездила.

– Ну я же буду не одна! Со мной будут Софи и Эмили, и

Тилли, и Милли. Я пообещала их развезти!

– Когда? Когда ты успела им пообещать? Ты же экзамен сдала только что!

– Я им эсэмэску отправила, пока к тебе шла.

Чудесно. Получается, я все-таки не первая, кому она сообщила. «Ну по крайней мере, я первый взрослый человек, которому она дала знать», – успокаивала я себя.

– Джейн, нет, – твердо ответила я. – Машину ты не возьмешь и не поедешь за рулем в два часа ночи с пьяными подружками. Такого не будет. Ни за что. Мы обсудим страховку позже, а пока что тебе надо возвращаться в школу, а мне надо на работу. И даже если ты поедешь за рулем куда-то вечером, – стала я колебаться, – тебе нельзя пить, поняла?

– Да ясен пень, – ответила Джейн, хотя по ее лицу было видно, что ей и в голову не приходило, что теперь, будучи за рулем, ей придется довольствоваться лишь кока-колой, пока ее подружки накидываются в зюю. А тогда, спрашивается, какой от этого всего кайф?

– Послушай меня, я поговорю с твоим отцом, и мы вместе с ним обсудим, сколько будет стоить купить тебе машину, плюс страховка и обслуживание, но Джейн, ты должна понимать, что это дорого. У меня карманы не бездонные, я не могу оплачивать все твои прихоти, особенно в год, когда ты собираешься поступать в университет.

– Да знаю я! – ответила Джейн. – Я найду работу и буду сама зарабатывать на бензин, и на... масло, и... на все

остальное.

Тут я сделала себе мысленно пометку не забыть при случае поговорить с Джейн об основах обслуживания автомобиля.

– Пока что, может, ты позвонишь отцу и сообщишь ему, что сдала экзамен? – предложила я.

– Так я и хотела это сделать!

Она набрала номер Саймона и в трубке послышалось женское воркование.

– Привет, Джейн, это Марисса. Боюсь, Саймон сейчас не может ответить, он за рулем.

Марисса. Зашибись. Эта саймоновская выхолощенная, гладковолосая, подтянутая, молодая крыса. Ну хорошо, не такая уж она и молодая, ей тридцать восемь, но все равно моложе меня. Тут меня окатило жаром и я в панике подумала, что вот оно начинается, у меня уже горячие приливы, но скорее всего, это у меня прилив ярости как неизменная реакция на Мариссу.

Не знаю, почему я так ее ненавижу. Чисто теоретически она не такая уж и плохая. На самом деле, если быть совсем объективной, то она очень хорошая. Работает в компании, производящей экологичную альтернативу одноразовому пластику (хоть и в отделе бухгалтерии, а не в отделе дизайна, который по существу только и делает, что создает дорожные стеклянные бутылки и керамические кофейные чашки, которые они потом толкают втридорога продвигать).

нутым модным мамочкам, чтобы те пили из них свой соевый латте после занятий йогой), а в свободное время в качестве волонтера обучает беженцев английскому языку и сама без конца занимается йогой, да к тому же она приютила у себя спасенную ею трехлапую кошку, потому что вот такой она Хороший Человек.

Но господибожемой, какая же она нудная и надменная. Я впервые в жизни вижу такую самодовольную, самовлюбленную, самонадеянную самку. И говорю я так не потому, что завидую ее блестящим летящим волосам или ее гармоничной палитре в инстаграме, где она непременно запилит фоточку с очередного занятия йогой или английским языком с бедными беженцами, которые с ней учат язык в два раза быстрее, чем с другими учителями (по мне, так эти бедные беженцы торопятся выучить язык, только чтобы не видеть ее самодовольную рожу, хотя может быть, они искренне благодарны своей учительнице и дома у них стоит алтарь, где они поклоняются святой Мариссе). Даже фотографии ее колченогой кошки меня раздражают, что вообще странно, ведь животных я люблю, при том, что мои собаки Джаджи и Барри уж куда умнее ее глупой кошки. Но ведь сам факт того, что трехлапая кошка может вызвать у кого-то раздражение, подтверждает, что самолюбование Мариссы зашкаливает, не так ли?

Отчасти, я полагаю, моя ненависть к Мариссе (и что за имя такое, Марисса? Я думала, что так зовут только экстен-

тричных американок из девяностых, с начесом на голове и в шузах на платформе, но, видимо, я ошибалась) вызвана не ею самой, а обычной человеческой старой доброй завистью к тому, что у Саймона получается как-то двигаться вперед по жизни – вот он уже нашел себе постоянную партнершу и потому ведет в игре под названием «Кому развод на руку», – а я все еще одна.

Но ведь до какой-то поры я вела в этой игре с большим отрывом.

Был у меня симпатичный-атлетичный бойфренд Джек, да и Саймон какое-то время все ходил кругами, не в последнюю очередь потому, что я была хорошей бывшей, которая все понимает и во всем поддерживает, безропотно тащит на себе хозяйство и детей. Я не возражала и была только за, когда Саймону нужно было уехать на полгода, у его отца диагностировали рак простаты, а его родители живут во Франции, и Саймон был вынужден поехать туда, чтобы помочь отцу ездить по врачам, ибо его мать «не ездит за рулем за границей» (если честно, я сама тоже не особо умею водить машину за границей, но ведь я никуда и не переезжаю), да и вообще быть рядом с родителями для поддержки. И я беспрекословно организовывала перелеты для его детей, чтобы они могли навестить своих бабушку с дедушкой, возила их в аэропорт, отправляла, встречала и в целом была очень покладистым и хорошим человеком. Так что было бы справедливым, если бы Саймон видел, как мне хорошо с другим, и страдал от то-

го, что допустил ужасную ошибку, когда ушел от меня.

Но потом – эх, мне всегда везет на такие вещи, – не успел Саймон вернуться из Франции, как мой замечательный бойфренд Джек сложил в чемодан свое термобельишко и отчалил в Антарктиду, где его ждала работа мечты. А между тем Франция благотворно сказалась на Саймоне. Он загорел, похудел, приобрел неуловимый французский шик и в целом выглядел знойно и привлекательно, так что не стоило удивляться, что в один прекрасный день рядом с ним нарисовалась эта дрянь Марисса. На десять лет моложе меня, все-то у нее пучком и торчком – если подумать, она в том возрасте, когда можно еще рожать и рожать, и не будем забывать, что моя наизакадычнейшая подруга Ханна, к своему бесконечному удивлению, залетела в свои сорок шесть лет и сподобилась родить здоровенного дитя по имени Эдвард, которому уже два года и который носится как угорелый по дому, руша все на своем пути.

Не думаю, что выдержу самодовольство Мариссы, если она залетит от Саймона. Знаю я таких – будет лучезарно улыбаться и объявлять всем «Мы ждем ребенка!» вместо того, чтобы просто сказать «Я беременна». Когда-то давным-давно Саймон заикнулся на людях однажды, что, дескать, «мы» ждем ребенка, тогда я на него наорала, что это не «мы», а «я» беременна, и если он так жаждет прочувствовать все прелести беременности, то пусть привяжет к своему пузу гирю, которая будет постоянно давить на мочевой пузырь, и что-

бы при этом он в рот не брал ни капли спиртного и ничего вкусного, а вместо этого хлебал кислоту до изжоги, ну и под конец пусть постарается выдавить из себя ананас, лежащий поперек его жопы. А для вящего удовольствия я могу разрезать вдоль его член и потом залатать крестиком. После такой тирады, помнится, я залилась горячими слезами и Саймону пришлось увозить меня срочно домой, потому что народ на той вечеринке перестал веселиться и смотрел на меня с жалостью. Беременность давалась мне нелегко. Марисса же, без сомнения, будет вся светиться от радости и парить над землей в белоснежных одеждах, благостно поглаживая свой беременный животик и никакого геморроя у нее, конечно же, не будет.

Так. Нельзя себя накручивать из-за Мариссы. Джейн попросила ее включить громкую связь, чтобы она смогла поделиться радостью с отцом.

– Ой, так это же здорово! – заверещала Марисса, не дав Саймону возможности и слова вставить. – Представляю, как ты там счастлива, молодец, Джейн, умничка!

– Это, ну да, молодец, дочка! – вторил на заднем плане Саймон.

– Тут мама говорит, что вы с ней как бы собираетесь мне машину купить? – выдает Джейн.

– Что?! – воскликнул Саймон.

– Не говорила я такого! – возмущенно крикнула я, но Марисса продолжала ворковать:

– Машину? О, Джейн, дорогая, ты сдала вождение и это замечательно, это так пригодится тебе в жизни, но собственный автомобиль только подтолкнет тебя совершать ненужные разезды и тем самым увеличит углеродную нагрузку на окружающую среду. Почему бы тебе не ездить на велосипеде? Это очень эффективный вид транспорта, да к тому же суперэкологичный.

Джейн что-то неразборчиво промычала в ответ на велосипед, но тут Саймон прервал Мариссу.

– А зачем ты ей такое обещаешь, Эллен? – сердито спросил Саймон. – Ты не вправе давать обещания от моего лица.

– Я только что сказала, что я такого не говорила! – повторила я. – Я лишь сказала, что посоветуюсь с тобой и мы обсудим, сможем ли мы между собой финансово решить этот вопрос, вот и все.

– И со мной тоже, – не унималась Марисса. – Со мной тоже надо это обсуждать, мне тоже есть что сказать.

– В смысле? – удивилась я. – Ты тоже собираешься скидываться на машину для Джейн?

– Ну, вообще-то нет, но я могу предоставить информацию о том, сколько тропических лесов гибнет в пересчете на одну машину, к тому же я читала исследования о велосипедах и могу помочь в этом вопросе, велосипед был бы оптимальным решением и...

– Но я не хочу велик, я хочу машину, – заскулила Джейн. – У меня уже есть велик, и это треш.

– Но Джейн, дорогая, будь у тебя супермегакрутой велик, ты бы тогда поняла разницу, – продолжала настаивать Марисса. – Сперва подумай хорошенько, окей, Джейн? Обещай мне, что хорошо подумаешь.

– Я считаю, Марисса права, – с воодушевлением поддержал Саймон. – Хороший велосипед – это реально круто, милая.

По нечленораздельным звукам, которые издавала в ответ Джейн, нельзя было понять, считает ли она тему велосипеда достойной обдумывания или нет. Затем она решила пойти в наступление с другого фланга.

– А почему ты не на работе, пап? Мама говорит, что вот мне после экзамена надо возвращаться в школу. Что, правда надо?

Я наострила уши.

– Мы с твоим папой оба взяли отгулы, потому что у нас парный ретрит в Дорсете, – ответила Марисса.

– Парный ретрит? – удивленно переспросила Джейн. – Фууу, это что-то типа свингерской вечеринки или оздоровительной оргии? Пап, это ваще зашквар!

– Ну конечно же нет, ничего подобного, – продолжала Марисса своим приторным голоском в режиме «я настолько добродетельна, что меня никакие низшие организмы из себя не выведут».

– Ретрит – это возможность для пар провести уик-энд вместе, чтобы с помощью интенсивных тренингов и упражнений

на доверие углубить и упрочить те узы, которые...

– Вы там что, медитировать собрались? – прервала ее Джейн.

– Что? Ах, ну да, один из семинаров будет про медитацию, – слащаво подтвердила Марисса.

– По ходу, вы там ерундой страдаете, – иронично резюмировала Джейн.

– О, Джейн, – вздохнула Марисса, – не торопись судить о том, о чем не имеешь представления. Каждой паре жизненно необходимо пестовать и лелеять свои отношения. Если не хочешь остаться одна, то надо быть проактивной, понимаешь? Зачастую причина, по которой человека преследует череда неудачных отношений, в том, что этот человек просто не хочет работать над отношениями.

Это она про меня, что ли? Определенно, это она адресовала мне. Уххх, Марисса, а ты хороша! Отдаю тебе должное – на словах сама любезность и доброта, но подкалывает так незаметно, что сразу и не раскусишь, а если заметишь и начнешь возражать, то будешь выглядеть невротичкой, на которую Марисса будет смотреть с жалостью во взгляде и увещевать: «Ну, конечно, это не про тебя, не пойму, почему это так резонирует с тобой, наверняка есть причина? Как думаешь, почему ты воспринимаешь эти слова на свой счет? Хочешь поговорить об этом?» ЕЩЕ ЧЕГО! РАЗУМЕЕТСЯ, Я НЕ ХОЧУ ЭТО ОБСУЖДАТЬ, ВЕДЬ Я БРИТАНКА! И даже если бы захотела это обсудить, то уж точно не с тобой, с

такими гладкими блестящими волосами, со склоненной набок головкой и таким внимательным заботливым взглядом. Пусть я одинока, пусть у меня неудачные отношения, но если уж выбирать между жизнью одинокой, стареющей, печальной разведенки и ретритом для таких, как Марисса, то уж лучше я проведу остаток своей жизни наедине с игрушками из секс-шопа *Ann Summers*, что лежат в коробке у меня под кроватью, не такая уж и плохая альтернатива...

– Дорого, наверно, – сказала Джейн. – Небось такие ретриты стоят как целая машина? Вот если бы папа не выбросил деньги на роскошные выходные, то вполне мог бы купить мне автомобиль!

– Во-первых, эмоциональное здоровье за деньги не купишь, а во-вторых, за ретрит платила я. Это мой подарок на юбилей твоему отцу.

– Повезло папе, – саркастично заметила Джейн. – Но вообще-то, мой вопрос был не тебе, Марисса, а папе, так что не могла бы ты, как бы это сказать, не встретить? Ну так что, пап, мне надо в школу идти сегодня?

– Не хами Мариссе, пожалуйста. Если мама говорит, что ты должна идти в школу, тогда ты должна идти в школу, – твердо сказал Саймон, выставя меня в качестве плохого полицейского, как обычно.

– У нее выпускные экзамены в этом году! – громко сказала я в трубку. – Она должна готовиться. Экзамены сами себя не сдадут.

– Господи, мама! – взвилась Джейн. – Да помню я про выпускные. Как же мне забыть про них? Ведь только что прошли пробные экзамены, а ты несколько месяцев подряд не переставая твердишь про выпускные. Достала уже! Кажется, мое эмоциональное здоровье никого не колышет. Не надо переживать за мое психическое здоровье, у меня же нет своих эмоций и желаний. У меня все зашибись!

– Джейн, мне нужно следить за дорогой. Впереди будет очень сложная развязка, так что мне надо собраться. И ты молодец, милая, я тебе вечером перезвоню, хорошо?

– Во время ретрита телефонами пользоваться нельзя, – встряла Марисса.

– Вот же, – вздохнул Саймон. – Ну тогда ладно, пока, милая, потом позвоню, – и отключился.

– Какая же бесявая эта Марисса! – воскликнула Джейн.

– М-м, – промычала я нейтрально, потому что не хотела попасться на ее крючок и пуститься очернять Мариссу перед Джейн, чтобы потом когда-нибудь Джейн передала все мои слова Мариссе, а вдруг та подкупит ее благосклонность вчерашними от *ASOS*, а я в это время буду в немилости у Джейн. – Не надо так про нее говорить, доченька.

– Ну она же бесит! И потом, мам, серьезно, зачем мне сегодня идти в школу?

– Затем, что этот год выпускной и ты сдаешь выпускные экзамены, – повторила я фразу, которую в этом учебном году говорила уже черт-те сколько раз.

– А вот королева никаких экзаменов не сдавала, – пошла в атаку Джейн.

– Потому что она КОРОЛЕВА! – парировала я. – Ей экзамены сдавать не надо было. Ведь королевой становятся не потому, что лучше всех сдают экзамены в королевской школе.

– А так было бы демократичнее, нет? – предположила Джейн.

– Ну ты же не в королевы готовишься, – продолжила я без особого пыла. – А все те немногие, что добились успеха без всяких экзаменов, являются исключением, а не правилом. Такие как они добились бы своего при любом раскладе, и выпускные экзамены для них ничего не изменили бы. Но не забывай, что на каждого миллионера без образования приходится миллион людей, кто не смог реализовать свой потенциал, потому что не ходил в школу вообще. И не потому, что они лентяи или бестолочи, а потому что у них даже шанса не было в школу попасть, а учитывая, что на земном шаре миллиарды людей вынуждены гнуть спину за гроши, у их детей тоже нет возможности получить приличное образование, они готовы почку продать, лишь бы их дети могли школу окончить, а ты получаешь образование бесплатно и тебе должно быть стыдно, что ты относишься к школе так несерьезно и не ценишь возможности учиться!

Я была восхищена своим экспромтом – аж сама растрогалась до слез, – и, казалось, Джейн тоже должна была проник-

нуться пафосом этой речи и начать больше прилагать усилий в школе и учиться усерднее.

– Боже мой, мать, – хмыкнула Джейн. – Что это было? Ты мне толкнула школьный вариант «дети в Африке от голода умирают, а ты тут нос воротить»? Жесть!

– А ну села быстро в машину!

Пока я везла недовольно ворчащую Джейн в школу, мне на телефон не поступало никаких звонков или оповещений о том, что Питер не на уроках, то есть можно было предположить, что каким-то чудом мой сын отсоединился от компа и переместился из дома в школу. Теперь я могла спокойно ехать на работу.

Вообще-то, я свою работу люблю. И мне стоило огромного труда оказаться на месте, где я работаю сейчас, ну, по сравнению с тем, где мне приходилось работать раньше. И у меня здесь получается хорошо делать свое дело, к тому же у нас прекрасный коллектив и ни от кого из моих сотрудников, – что очень важно и о чем никогда не упоминают ни на одной профориентации – не разит пóтом (просто поразительно, как сильно сотрудник с убийственным запахом может отравить атмосферу в коллективе).

Как и везде, у нас в компании хватает подковёрной возни, и в этом отношении все очень серьезно, Шекспир бы позавидовал тому накалу страстей и коварству интриг, которые разыгрываются в нашем офисе по любому поводу. Здесь каждый норовит воткнуть кинжал другому в спину, будь то

борьба за лучшее рабочее место или за более удобный стул, также время от времени вспыхивают нешуточные баталии, потому что каждый считает себя святее папы римского, особенно в вопросах морального выбора, например какой сорт кофе более этичен для использования в общей кофемашине. («Это же бренд Справедливой торговли», «Ну а этот бренд еще более Справедливой торговли», «Этот кофе выращен бригадой слепых орангутангов, которые осиротели из-за варварской торговли пальмовым маслом», «А этот кофе выращен и собран слепыми колченогими орангутангами, которых сделали сиротами нацисты – торговцы пальмовым маслом», «Ну а этот кофе собран осиротевшими слепыми инвалидами-орангутангами, у которых до сих пор психологические травмы от того, что к ним на плантацию с визитами и проверками навещался Доминик Каммингс, бойкий вездесущий помощник нашего премьер-министра». Примечательно, что при выборе чая таких показушных батлов обычно не случается. Только любители кофе вечно устраивают светопреставление.)

Если бы нам дали спокойно заниматься своей работой, вместо того чтобы собирать на бесконечные и бессмысленные митинги, где быются насмерть при выборе сорта кофе, то, вероятно, производительность труда у всех была бы намного выше. На самом деле, если бы некоторые личности не тратили так много времени, разглагольствуя о вещах, никакого отношения не имеющих к профильной деятельности

нашей компании, то мы бы не оказались в ситуации, когда нам угрожает слияние с другой компанией и мы все рискуем оказаться без работы.

Когда я начинала здесь работать, я думала, что, возможно, это и есть та самая лучшая работа мечты – в быстро растущей хайтек-компании с комнатами «для размышлений», где устраивают мозговые штурмы и изливают свой креатив прямо на стенах, попивая так горячо обсуждаемый кофе, где тебя накрывает идеями под «голубыми небесами», что бы это ни значило. Но сама-то я не такая технически продвинутая и не особо креативная, у меня за плечами лишь опыт воспитания двух детей, и мне часто приходится прикусывать язык и держать себя в руках, чтобы не заорать на этих бородатых малолеток-хипстеров с брекетами на зубах и с помочами на коротких штанишках, чтобы они не малевали на стенах всякий срам, а то я им дам по попе. Единственное, что меня останавливает, так это опасение, что один из них, Деррил, у которого густая борода лопатой и самые короткие брючки, определенно был бы доволен, если бы его отшлепала женщина, которая ему в матери годится.

Несмотря на то что я ношу длинные брюки и предпочитаю играть в лото *Buzzword Bingo* со своей коллегой Лидией, пока более творческие натуры креативят, устраивают мозговые штурмы и талдычат, что впредь они будут брать на себя больше ответственности за синергию и обязуются мыслить нестандартно, в парадигме транспарентности, с учетом при-

бавочной стоимости и бла-бла-бла, у меня получилось продвинуться по карьерной лестнице в этой компании. Те, что в коротких штанишках, генерят проекты, а я со своей командой разрабатываю под эти проекты софт. Вообще-то я теперь начальник отдела, и это значит, что у меня есть свой отдельный кабинет с окном (и очень удобным креслом), ну и конечно, если что-то пойдет не так, моя голова первой покажется с плеч.

Если я останусь без работы, то будет туго, и не только финансово. Я пытаюсь себе внушить, что владею ценными навыками и легко найду другую работу, но ведь мне сорок восемь и будет сложно начинать все заново в другой компании, где опять надо вникать в то, что можно говорить, а что нельзя (при Эрике из отдела маркетинга нельзя упоминать шоколад *After Eights* после того неприятного инцидента на новогоднем корпоративе), и по новой запоминать расположение туалетов в здании.

Ну, если меня сократят, то появится возможность заняться чем-то совершенно иным. Хотя мне и нравится моя работа, было бы здорово найти свое истинное призвание, дело всей своей жизни, ради которого ты вскакиваешь с постели спозаранку и бежишь сломя голову на работу. Как-то я создала приложение, на котором смогла немного заработать – не так много, чтобы можно было сразу отойти от дел, но достаточно, чтобы не думать каждый раз о финансах, однако после развода с деньгами опять стало туго. Я было ду-

мала, что разработка приложений и есть мое призвание, но все, что я потом насоздавала, было откровенной лажей. Тем не менее было бы здорово найти дело по душе, о котором я могла бы часами рассказывать на всяких тусовках, а люди слушали бы мои откровения с нескрываемым восторгом. Но проблема в том, что чем старше я становлюсь, тем больше замечаю, что мне доставляют истинное наслаждение такие незатейливые занятия, как сидеть перед телевизором, жрать пирожные, спать, вести бессмысленные разговоры с собаками, читать романы Джилли Купер, а также пить вино, джин и водку. Я всерьез пыталась найти способ превратить эти занятия в источник дохода, но пока что безрезультатно – наоборот, одни только расходы.

Также пыталась я пересмотреть и свои увлечения, чтобы найти в них призвание. Вот когда пьешь «Веспер мартини», любимый коктейль Джеймса Бонда, то кажешься себе очень глубокомысленной и утонченной, а еще все время хочется сбегать в туалет. Этот коктейль – очень мощное мочегонное средство, он хоть и мал, но так удал, что сколько ни делай упражнений на укрепление мышц таза, а выписывать его приходится часто и помногу. К несчастью, мы с Ханной убедились в этом на своем собственном примере. Одним субботним днем она оставила малыша Эдварда на попечении его отца и мы отправились на ланч как две истинные леди. Вначале мы, как полагается, воздали должное вину, затем решили, что нужно все это великолепие заполировать, и спустя

четыре «веспера» мы с ней были пьяны вдрызг. Дома Джейн назвала меня «безобразным позорищем», да я никогда и не претендовала на то, чтобы служить образцом, скорее наоборот, считала, что раз уж с меня пример брать нельзя, так хотя бы воспринимай за предостережение. Но ясно-понятно, что из-за выпитого мартини в тот День Позора донести свою мысль до Джейн я была не способна, просто мычала, что я съела что-то не то и мне надо поскорее прилечь.

Я и по-взрослому пыталась найти свое призвание. Вот я всегда мечтала стать археологом и какое-то время размышляла, что, может, археология и есть мое прирожденное призвание, ведь в университете я выбрала информатику, только чтоб насолить своей матери, для которой все, что связано с компьютерами, это что-то про задротов-очкариков в скрипучих синтетических худи. И как же я найду себе приличного мужа в такой-то низкопробной среде, да и кто захочет жениться на девушке, которая учится мужской специальности? Моя мать считала, что все приличные юные леди изучают английскую литературу и стараются найти себе жениха с юридического или медицинского факультета. В душе, конечно же, она лелеяла надежду, что раз уж я поступила в Эдинбург, куда идут те, кто недобрал баллов в Оксфорд или Кембридж (по крайней мере, так было, пока принц Уильям не выбрал университет в Сент-Эндрюсе), то, быть может, я сподоблюсь и подцеплю кого-нибудь с титулом, ну а если нет, то юрист или врач – тоже приемлемый вариант. Или, на худой конец,

финансист с прицелом на лондонский Сити. Моя мать даже и мысли не допускала, что я поступила в университет, дабы продолжить свое образование и построить собственную карьеру. В ее представлении, единственная разумная причина, по которой женщина поступает в университет, это только чтобы заполучить себе богатенького мужа, что она сама в свое время и сделала.

Но поскольку я была неразумной и скомпрометировала себя в глазах будущих юристов и врачей тем, что тусовалась с толпой серых толстовок (по чесноку, все те парни были нормальными, адекватными людьми), то она с облегчением выдохнула, когда я нашла-таки себе архитектора в лице Саймона, хотя мне было досадно, что я как-никак, а последовала наставлениям матери, познакомилась в университете с приятным молодым человеком и затем вышла за него замуж. В свою защиту скажу, что до знакомства с ним я встречалась со многими парнями и предавалась беспорядочному сексу так, что матери моей и не снилось, но в Саймона я влюбилась по уши, так что выйти за него замуж было единственным желанием. И потом, мы оба определенно не мыслили своих жизней друг без друга, так почему бы нам было и не пожениться?

Меня всегда притягивала археология, так что после развода, когда стало ясно, что нам с Саймоном не суждено провести вместе оставшуюся жизнь, я погрузилась в раскопки, которые так кстати проводились в это время в нашей деревне. И тут выясняется, что археология – это не мое. Я-то

думала, что буду аккуратно просеивать песок и откапывать бесценные артефакты, еще там должны быть приключения с неистовым и авантюрным археологом типа Индианы Джонса в твидовом пиджаке с кожаными латками на рукавах. Себе я виделась с аккуратным пучком волос, в элегантных очках на носу, что придавало бы мне ученый вид. Но в определенный момент я сняла бы эти очки, распустила волосы и неистовый и авантюрный тип воскликнул: «Вау, мисс Грин, а вы красавица!» – и потом бы все завертелось, и мы с ним в перерывах между жаркими объятиями отбивались бы от бандитов, которые хотели украсть у нас волшебный амулет или еще что ценное.

Ничего подобного. Грязищи по колено. Одежда не из твида, а из легко отстирывающейся и немнущейся синтетики. Хоть там и попадались неистовые и авантюрные кадры, до знойных объятий дело не дошло, потому что еще там мельтешили двадцать пять старперов, которые журили меня всю дорогу за то, что я держу инструмент неправильно. Они еще заставляли меня зарисовывать камни. Уж не знаю, зачем понадобилось зарисовывать, вместо того чтобы просто сделать фотографии. Подозреваю, они просто хотели меня чем-нибудь занять, чтобы я перестала копать своей лопаткой и не мешалась у них под ногами. Ума не приложу, как можно неправильно копать грязь. Потом я потеряла в грязи карандаш и мне за это влетело. Однажды мне там встретилась полевая мышь, она была такая хорошенькая, ведь я люблю жи-

вотных, собак своих обожаю, еще у меня есть три курочки, которые, правда, едва меня терпят, и вот я подумала, может, моя страсть – зоология? Загуглила подробности и выяснилось, что работа у зоолога вовсе не такая, как у звездного телевизионного натуралиста Дэвида Аттенборо, а скорее как у смотрителя в зоопарке, которому приходится выгребать тонны навоза из вольера, если у него на попечении слоны и носороги. Так что опять мимо.

# Февраль

## Пятница, 1 февраля

Итак, есть кое-какие подвижки. Маргарет, что живет вниз по улице, несколько месяцев назад выставила свой домик на продажу, и когда я заглянула к ней на огонек сегодня вечером, объявила, что домик купили.

– Приятный, молодой, холостой, моя дорогая. Пришел один посмотреть дом, такой симпатичный, просто очаровашка.

– Откуда ты знаешь, что он холостяк, Маргарет? – спросила я, пока она щедрой рукой разливала нам джин. Да, определенно, мне будет ее не хватать. Вначале, когда я только сюда переехала, Маргарет мне не понравилась: мне казалось, что она осуждает меня, мать-одиночку и разведенку, которая ведет распутный образ жизни и по деревенским меркам считается чуть ли не вавилонской блудницей, ведь ко мне наведываются джентльмены (не то чтобы к моему дому не зарастала тропа, протоптанная жаждущими ласк мужчинами, но один джентльмен захаживал, то был Джек), – просто Маргарет поначалу всегда такая нелюдимая и ее расположение надо заслужить. К счастью, расположить ее к себе можно простым способом: подливай джин и слушай все последние деревен-

ские сплетни молча. Сплетни под выпивку я и сама люблю, так что очень скоро в Маргарет я нашла родственную душу.

– Тоником сильно не разбавляй, весь смак уйдет. Ну, для начала, на всех юридических бумагах стоит только его имя, – начала Маргарет.

– Ну это ничего не значит, – возразила я. – У него, может, герлфренд есть. Или даже бойфренд. Уж с моим-то везением он точно голубой. Перспективный холостой натурал и живет со мной по соседству – слишком хорошо, чтобы быть правдой!

– Нет у него ни дружка, ни подружки, – упрямо твердила Маргарет. – Он сегодня приезжал крышу посмотреть, а то идиот, который проводил оценку дома, написал, что крыша протекает – это у него крыша протекает, – и тут я у него спросила, что он все один да один ездит, я ведь за него переживаю. Спрашиваю, что он один делать будет, если крыша потечет? А?

– Ну, наверное, вызовет кровельщика, как и все. Ты же не спрашивала его конкретно, Маргарет? – вяло прореагировала я. Маргарет не самая деликатная на свете женщина. – Ты же не сказала ему что-нибудь типа «А ну-ка молодой неженатый, ты у нас по девочкам или по мальчикам? Ежели по девочкам, то есть тут у нас одна, которая не прочь с мужиком замутить, Эллен звать ее, живет тут по соседству».

– Конечно же я такого не говорила, – возмутилась Маргарет. – Я спросила, собирается ли он здесь один проживать.

Он сказал, что да, один, а я говорю, какая жалость, что такой приятный молодой человек все еще не женат и даже без подруги, а он говорит, что еще не встретил ту самую. Так что флаг тебе в руки и вперед на abordаж, и кстати, ему сорок девять и зад у него на загляденье.

– Маргарет, ну тебе-то семьдесят восемь, пора бы уж перестать заглядываться на мужские зады, – сказала я.

– Не надо меня стыдить, – строго одернула меня Маргарет. – Даже такая пожилая леди, как я, знает цену хорошей заднице. Видишь, у меня очки вот наготове висят, чуть что, я их цепляю и все прекрасно вижу.

– Ну допустим, – говорю я. – Сорок девять и ни разу не встретил ту самую? Ясно же, что с ним что-то не так. Либо у него изо рта несет.

– Не несет.

– Либо он всю жизнь живет с мамой, которая ему стирает-варит-парит, либо он один из тех, кто в интернете скулит, что женщины не дают просто так, а ведь секс это то, на что мужчины имеют право по рождению, и странно, что ни одна не соглашается на секс задаром, а может, у него еще и список есть, какой должна быть женщина и что она обязана делать – и чтобы девственница, и чтобы ужин накрывала. А скорее всего он серийный убийца, который прячет трупы под пол, поэтому у него нет женщины, а то она бы жаловалась на вонь из подвала. По-любому у него есть какая-то проблема!

– Ой, уж лучше бы ему не хранить останки у меня под

половицами! – недовольно отозвалась Маргарет. – У меня годы ушли на то, чтобы заставить Джима снять ковролин и настелить паркет. Не ради этого же маньяка все мои труды. Хотя, Эллен, я уверена, что он не маньяк, а вполне себе приличный молодой джентльмен, и наверняка есть какая-то серьезная причина, почему он до сих пор один. Может, он был волонтером и помогал сиротам в странах третьего мира и у него не было времени жениться? Давай еще по стаканчику? А сигарет у тебя нет? Вчера внучка конфисковала у меня последнюю пачку. Говорит, что курение отнимает до двадцати лет жизни. А я ей говорю, что мне уже восемьдесят скоро и еще двадцать лет наверняка доведут меня до маразма и деменции, так что невелика потеря. Так она все равно отняла у меня сигареты! Что с тобой, Эллен? Что-то на тебе лица нет.

– Да жарко тут у тебя, – ответила я. – Отопление сильно включила?

– Знаю, дорогуша, Джим вечно ворчал по поводу термостата и не разрешал выставлять больше 18 градусов, так что теперь я отрываюсь и врубаю на полную мощность. А ты уверена, что это у тебя от отопления? – добавила она с сочувствием. – Ты же живешь одна, не надо стесняться этого, у каждой женщины в жизни наступает такой период. Когда меня климакс накрыл, я с Джимом практически на ножах была, он вообще не понимал, из-за чего я навожу всю суету. Тогда я ему заявила: «Джим Лэнгдон, когда почувствуешь, что каждая клеточка твоего тела тебя ненавидит, когда мат-

ка твоя выворачивается наизнанку, а подошвы горят как на углях, вот тогда я посмотрю, какую ты суету начнешь наводить».

– Маргарет, ну ты ведь пригласила меня к себе, чтобы свети с загадочным незнакомцем, которого я ни разу не видела, а ты сама – всего лишь два раза, да и то знаешь только, что у него хорошенький зад, и этот зад вполне может принадлежать серийному убийце, а теперь, пять минут спустя, пытаешься меня убедить, что без мужчин лучше!

– Мда, как-то я сбилась с мысли. Вообще-то я думала, что тебе не помешала бы мужская компания. С кем можно кроссворды отгадывать, ну ты поняла, о чем я (эту фразу она сопровождала таким выразительным подмигиванием, что если бы у меня и были сомнения по поводу буквального совместного разгадывания кроссворда, то теперь их не было, ни по горизонтали, ни по вертикали). Но поразмыслив, я вспомнила, что зачастую с мужчинами бывает так тошно, что лучше бы и не связывалась, да и потом, у тебя же есть дети, и собаки тоже есть.

– Дети скоро покинут родное гнездо, – мрачно сказала я. – Я и теперь-то их редко вижу. Может, мужчина сейчас пришелся бы кстати. Но после того, как Джек уехал, я уже и не питаю особых надежд. Стара я для сайтов знакомств. Мужчины моего возраста ищут себе молоденькую пустышку, а те, что постарше, рассчитывают на бесплатную сиделку, да и они туда же, хотя в сиделки молоденькую дурочку.

– Ну, в жизни есть много чего получше мужчин, – стойко заметила Маргарет. – Возьми хоть джин, к примеру! Давай еще по одной, на посошок. А я тебе не говорила, что Николь из магазина сидит на свингерском сайте? Ее там сын Бренды застукал. Сам он говорит, что случайно наткнулся на этот сайт, вообще-то он другое искал, ага, так я ему и поверила. Бренда сама говорила, что обнаружила у него кучу «Плейбоев», так этот дрыщ утверждал, что покупал журналы только ради интересных статей.

## Суббота, 16 февраля

Сегодня заходила Ханна. Я знаю Ханну почти всю свою жизнь, и те несколько лет во младенчестве, что мы с ней не были знакомы, не в счет. Ханна любит повторять, что нам теперь по-любому придется продолжать дружбу, потому как мы уже настолько старые, что с любым новым знакомым не получится продружить столько лет, сколько мы с ней, и потому только смерть разлучит нас. Понятно, что знаем мы друг дружку настолько хорошо, что все наши потаенные желания и темные стороны не являются для нас обеих секретом, но мы не осуждаем друг друга ни за что. Хотя у Ханны нет никаких темных и страшных секретов, как человек она намного чище и лучше меня, да и уж если на то пошло, и мои потаенные желания, и секреты не настолько порочны. За мной не тянется кровавый шлейф из грехов и жертв, скажем так.

Мои позорные секреты сводятся к тому, что по молодости да по глупости я часто занималась сексом не с теми парнями. В браке я была двадцать лет, так что по сравнению с моим мужем Ханна знает больше, чем тот, с кем я прожила бок о бок все эти годы и от кого родила детей. Например, Ханна знает, что когда-то я спала со студентом-инженером, который держал презервативы в футляре из-под калькулятора (очень эротично). Ханна также в курсе, что развелась я с мужем из-за его измены, но однажды было дело, когда я

сама чуть не ушла налево, и если бы тот мужчина не оказался порядочным человеком, то все могло бы сложиться по-другому, так что в моей реакции на неверность Саймона был небольшой элемент лицемерия.

Но она меня за ту слабость не осуждала и даже никогда не намекала, что считает меня неправой в отношении Саймона, вместо этого она всегда поносит моего бывшего за распутство (не то чтобы он изменял направо-налево, один раз было, но увы, именно этот раз и стал последним гвоздем в крышку гроба нашего брака, который больше не выдерживал давления быта, детей, нехватки времени на друг друга, его одержимости дебильными «Махинаторами» и нескончаемой стирки).

Иногда я тревожусь, что Ханна, будучи по природе очень хорошим человеком, вносит в нашу дружбу намного больше, чем я, и что я в нашей паре являюсь плохой подругой, и мне часто кажется, что моей основной лептой было держать Ханну за волосы, пока она блевала после очередной нашей юношеской попойки, потому как пить она никогда не умела. Но теперь, когда мы пьем совиньон и риоху, а не водку пополам с газировкой *Hooch*, мне даже этого делать не нужно (вот понять не могу, кто придумал мешать *Hooch* с водкой? Это пошло само по себе было с градусами и валило с ног, так мы еще и водку им запивали! Воистину, в молодости безумству и храбрости способствуют слабоумие и слепая вера в бессмертие).

Конечно же, я держала волосы Ханна и тогда, когда ее беременную рвало по утрам – первые две беременности дали ей тяжело еще и потому, что тогда ее мужем был засранец Дэн. Получается, что все мои заслуги сводятся к одной скромной функции, с которой бы справилась простая резинка для волос или ободок. Однажды я так Ханне и заявила: сказала, что наша дружба мне представляется немного неравной, чему она сильно удивилась.

– Но Эллен, ты же ко мне относишься так же, как и я к тебе. Ты никогда меня не осуждаешь, ты всегда рядом, ты всегда меня поддерживаешь, и это мне иногда кажется, что я недостаточно делаю для нашей дружбы, потому что ты всегда спешишь на помощь, а я лишь слеую за тобой, это с тобой люди хотят дружить, а меня замечают лишь постольку, поскольку я с тобой рядом. И я даже никогда не держала тебя за волосы, потому что ты умеешь пить и не блюешь после попок, разве что однажды в 95-м, помнишь, была вечеринка где порция водки с колой стоила пятьдесят пенсов? И ты жахнула аж тридцать шесть стаканов – и ни в одном глазу, вот тогда-то мы поняли, что они водку водой разбавляли, а то ведь ты могла и помереть тогда. И даже тогда ты блевала в кабинке одна, а когда я залезла к тебе спросить, все ли с тобой нормально, ты сказала, что все норм и тебе нужно еще водки.

– Да, тогда был не самый приятный момент в моей жизни, – вспомнила я. – Наверно, поэтому я ушла с той вече-

ринки с этим мерзавцем-счетоводом, после тридцати шести шотов и не такое может случиться.

– Нет, с ним ты ушла в другой раз, когда мы праздновали День шотландского виски, – услужливо подсказала Ханна.

– Видишь, ты все мои секреты знаешь, – со вздохом сказала я.

В конце концов, полагаю, люди дружат не только потому, что у них много общего, а также и потому, что они разные. Одна общительная и у всех на виду, а другая скромная и молчаливая. Одна блюет, другая держит ее за волосы. Одна деятельная и сумасбродная, вплоть до того, что может пить в сомнительных пабах, где можно за недорого нанять киллера, а другая более разумная и осмотрительная, всегда может предостеречь от посещений таких подозрительных мест.

Было замечательно повидаться с Ханной сегодня, ведь в последнее время мы с ней нечасто видимся, а все потому, что малыш Эдвард, это нежданное чудо на старости ее лет, миловидный розовощекий ангелочек, на которого все налюбоваться не могли, – чтобы он ни сделал, засунул ли свою пятку в ухо или в рот, скорчил ли премилую рожицу, все вызвало одно сплошное умиление, – превратился в двухгодовалое чудовище, варвара по имени Конан – Разрушитель семейного очага.

В результате лютых эскапад Эдварда Ханна перестала выходить с ним куда-либо, ведь им запретили посещать занятия «Малыши и музыка» после того, как Эдвард добрался

до огнетушителя («Я буквально на секунду ослабила хватку на припеве “Ручки вверх, ручки вниз” в этой песенке, как он вырвался на свободу!» – причитала Ханна), а еще был небольшой инцидент в местной кофейне, когда Эдвард запустил свой бебичино в лицо премилой официантке и обозвал ее писькой – этому слову он выучился у старшего брата Лукаса, которому казалось забавным учить всяким нехорошим словам своего маленького братика.

Ханна под страхом смерти не ходит в гости в приличные дома, потому что Эдвард камня на камне не оставит в своем разрушительном квесте – наша замечательная подружка Кэти, у которой свои две маленькие девочки, никогда в своей жизни не видала такого бедлама, который может устроить один маленький мальчик. После визита Ханны со своим отпрыском Кэти еще долго приходила в себя от шока, приводила в порядок свой дом и в ужасе переспрашивала: «А что, мальчики все такие?» – на что Ханна и я мрачно заверяли, что не все, но бывают такие, что не дай боже.

Кэти, конечно же, ничего не имеет против гостей, но Ханна признавалась, что ей самой было не по себе видеть, как Кэти неотрывно следит за Эдвардом, куда бы тот ни полез, и судорожно вздрагивает, когда тот бросается как камикадзе на какой-нибудь предмет обстановки в ее гостиной – Эдвард может развивать бешеную скорость, на низких оборотах он не работает, – так что пока он не подрастет до более вменяемого культурного возраста (в этом месте я ржу в голосину,

потому что даже если он научится тормозить и не врезаться в предметы обстановки со всей дури, то гляньте на Питера, до цивилизованного культурного вида ему как до луны), Ханна будет воздерживаться от посещений уютного и гостеприимного дома Кэти.

У меня же в доме, во-первых, нет красивых вещей, которые Эдвард мог бы испортить, во-вторых, сама помню, как трудно совладать с бешеными двухлетками, и в-третьих, я же самая старая подруга Ханны, где как не у меня ей укрыться и перевести дыхание, а то в парках в это время года слишком влажно и ветрено, а уж на игровых площадках в песочницах сейчас можно подцепить кучу всяческой заразы, так щедро оставляемой в огромных количествах двуногими в виде разнообразных продуктов своей жизнедеятельности.

Однако я немного запамятовала, насколько малыши изобретательны в превращении любого безобидного предмета интерьера в смертельное оружие, которым они могут нанести увечье себе и окружающим, так что пришлось изощряться и забаррикадировать все потенциально опасные предметы в доме.

Мои собственные дети в этом искусстве тоже не были исключением – как-то раз Питер умудрился порезаться подушкой. Ну вы понимаете, что подушкой пораниться нельзя, а он смог. Помню, как он прихрамывал, подтаскивая ногу и схватившись за окровавленную коленку, – можно было подумать, что его искалечили как сироту в Викторианскую эпоху,

так как Питер при малейшей царапине или травме начинает умирать, терять сознание и требовать нюхательных солей. Страдания малышки Бет из романа «Маленькие женщины» на смертном одре ничто по сравнению с трагедией поранившегося или занемогшего Питера. Когда я грозно спросила у него: «Ну и что ты сейчас натворил?» – он стал хныкать: «Это не я, это подушка, она острая». Я тогда не могла определиться, какому чувству поддаться в первую очередь, то ли гневу (он же запачкал кровью мои восхитительные подушки от *Laura Ashley*, что весьма досадно, хоть я и купила их по дешевке на *eBay*, ведь если покупать их в фирменном магазине, где они возмутительно дорогие, то можно разориться), то ли недоуменному восхищению, ведь моему сыну удалось сделать невозможное, а именно порезаться тем, что резать неспособно по определению, диванной подушкой! Скорее всего, он коленкой зацепил молнию на наволочке и рассек кожу. Но, конечно же, это была моя вина, на что Питер все время плаксиво жаловался, ведь это я разложила подушки по всему дивану.

Но как только дети-камикадзе вырастают из этой самоубийственной фазы, ты тут же об этом забываешь. Напрочь забываешь, что практически все и вся потенциально может быть смертельным оружием. Спустя годы до тебя может прийти эта истина и ты с ужасом осознаешь, что практически ежедневно подвергала своих ненаглядных детишек смертельной опасности! Я понятия не имела, что виноград может быть

смертельно опасным и что ребенок может задохнуться, если виноградинка застрянет у него в горле, что случилось с Джейн на выпускном чаепитии в садике, так что малышам надо давать виноградинки разрезанными пополам. Но Джейн, слава богу, тогда справилась с этой проблемой, чисто чтобы мне насолить, думается мне сейчас, хотя некоторые мамы аж до шестого класса настаивали на том, чтобы виноград на столе был нарезан на половинки, ведь «никогда не знаешь, что может случиться». Я выдвинула предположение, что если их дети до сих пор не способны проглотить еду и не подавиться, то может быть, им еще рано переходить в старшую школу, ведь они и на школьный автобус без помощи взрослого, видимо, не сядут, а уж подтереть свой зад для них и вовсе непосильная задача. Но меня с моими аргументами задвинули как «неразумную» и сказали, чтобы я отвечала за чипсы, с которыми их детки, вероятно, справлялись лучше.

К визиту Ханны я подготовилась основательно, ведь мне хотелось, чтобы она могла в гостях у меня расслабиться и хоть немного отдохнуть.

– Ничего страшного не случится! – задорно приветствовала я их, когда Ханна и стиснутый в ее крепких объятиях Эдвард появились на пороге. – Я везде подстлала соломки, все закрепила, у меня нет ничего хрупкого и легко бьющегося, твой ребенок будет невредим! Смотри, я же практически укротительница детей!

– Что, правда? – недоверчиво спросила Ханна.

– Ну да, только взгляни! – обвела я вокруг руками. – У меня даже на лестнице стоит заграждение!

– Ой, Эллен, не надо было так из-за нас тратиться и покупать все эти приспособления, – воскликнула Ханна.

– Да какие там траты, я все нашла в этих сумасшедших фейсбучных группах, где люди отдают за гроши весь свой хлам вплоть до картонных коробок, это я все для собак своих брала, а то Барри с улицы тащил всякую живность в дом, чтобы похвастать своим очередным трофеем.

– Я думала, так только кошки делают, – удивилась Ханна.

– Я тоже так думала, до Барри. Довольно жутко, когда твой здоровый волкодав мчится стремглав по лестнице и приносит в пасти живого дрозда, да еще с таким триумфальным видом кладет его тебе на постель: «Смотри, кто добытчик, кто волчара, что кормит всю свою стаю? Так что люби меня крепче, я же хороший мальчик!» Наверняка у него в породе кто-то из собак-спасателей был.

Когда речь заходит о моих собаках, мне трудно сдержаться и не впасть в лирические отступления о том, как же трудно на них сердиться, какие они трогательные и любвеобильные и что по прошествии двух лет, в течение которых Барри живет с нами, он из шкуры вон лезет, чтобы ничего не испортить и всем понравиться, а то вдруг на него рассердятся и опять отправят в приют, чего его доброе сердечко не выдержит (само собой, я никогда не наказываю своих собак, но очевидно, что с бедолагой Барри прошлые хозяева очень же-

стоко обходились, а я знаю, что люди могут быть жестокими, и уж собаки намного лучше некоторых двуногих). Джаджи тоже своего рода собака-спасатель, просто он не настолько чувствительный, как Барри.

Мы много потакали капризам Джаджи в самом начале, когда он только у нас появился, по нему тоже было видно, что с рождения судьба к нему была не особо благосклонна – за два своих первых года жизни он сменил четырех хозяев, пока в конце концов не оказался у нас. Со временем стало понятно: менял он хозяев не потому, что люди попадались ему скверные – это у него самого был скверный характер. И тем не менее он мой песик и я люблю его всей душой. Но малыш Эдвард не намеревался выслушивать мои душевные излияния про чудесных собачек, он хотел бегать и орать.

– Сними! Пути меня! Пути! Атпути! – вопил он.

Ханна все еще пыталась высвободить его из курточки, а он уже вырвался из рук и бросился к лестнице, забрался по барьеру лихо, как человек-паук, перелез на ступеньки и поскокал наверх, пока мы в замешательстве пытались открыть дверцу, потому как перелезть через нее взрослому было затруднительно.

Я-то рассчитывала, что мне удастся удерживать Эдварда на первом этаже, а потому на втором этаже все двери были открыты, и все комнаты наверху теперь были предоставлены на растерзание разрушительному урагану Эдвард, пока мы с Ханной пытались совладать с заграждением внизу (иро-

нечно, что такие приспособления не являются препятствием для детей, а вот для взрослых они просто непреодолимы). В какую комнату направился Эдвард в первую очередь? Ясно-понятно, что в комнату Джейн.

– Я лисую! – объявил он нам с радостью, размазывая по ковролину блеск для губ из последней коллекции *Urban Decay*. – Я холошо лисую? Мама, смотли! НЕЕЕЕЕЕТ! Я лисую! Хочуууу лисовать! – визжал он, пока Ханна отнимала у него тюбики с жидким блеском и пыталась убрать с ковролина следы помады. Она уже начала скулить от страха, представляя, как Джейн отреагирует на испорченный блеск для губ и как я отреагирую на испорченный ковролин, хотя его уже было не спасти, учитывая, сколько крема для автозагара и тонального крема на него было пролито самой Джейн.

– Прости, пожалуйста! – подвывала Ханна. – Он такой шустрый. Не успеваю я за ним, он все делает на бешеной скорости. Я для Джейн новые куплю.

– Да ну что ты, все нормально! – заверила я в очередной раз, и таких разов, видимо, будет несметное количество за то время, пока они у меня в гостях.

Вдвоем мы стащили вниз упирающегося и сопротивляющегося Эдварда, загнали его в гостиную.

– Здесь ему будет безопасно, – заверила я Ханну, – здесь же совсем нечего ломать. Да и пораниться здесь не обо что, – добавила я, оглядев свою гостиную. – Все розетки я закрыла мебелью, переставила все так, чтобы он не смог до них

дотянуться, а то заглушки я давно убрала, мои-то дети уже перестали втыкать туда вилки, все хрупкие предметы переставила наверх, ему до них не дотянуться.

– Спасибо, Эллен, – со вздохом произнесла Ханна. – Как считаешь, я могу его отпускать?

– Ну да, конечно, все будет хорошо! – уверенно согласилась я.

– Все хорошо! – улыбалась я натужно спустя несколько минут после того, как Эдвард разодрал в клочья мою любимую книжку «Наездники», но ведь это были уже вторые «Наездники», первых «Наездников» постигла такая же участь, когда Питер был того же возраста, что и Эдвард сейчас.

– Все хорошо! – выдавила я из себя, когда Эдвард разобрал свою неразбираемую бутылочку с соком и пролил ее содержимое на ковер, а ведь вместо сока в ней могла быть простая вода, только вот Ханна поддалась на шантаж сына и заменила воду на сок в обмен на обещание Эдварда, что он будет тихо сидеть и смотреть в ее телефоне «Щенячий патруль».

– Все хорошо! – повторяла я уже без всякой уверенности, когда Эдвард хватал липкими ручонками и возюкал свою измазанную шоколадом мордашку по подушкам *Laura Ashley* и орал при этом, чтобы ему отдали его шоколадку: «АД-Д-ДА-А-АЙ ШИКАЛАТКУ!»

– Но ведь это ненормально, да? – скулила Ханна. – Ты только посмотри на свой дом! Мы здесь не больше часа, а он

уже похозяйничал в комнате Джейн, изгадил твою гостиную и еще... БОЖЕМОЙ, ЭДВАРД! Отпусти собаку! НЕ ТРОГАЙ СОБАКУ! Нет, нельзя залезать на собаку, это не лошадка! НЕЛЬЗЯ ТАК ДЕЛАТЬ! ФУ-ФУ! НЕЛЬЗЯ!

К счастью для Эдварда, объектом его мучений был Барри, а не Джаджи, который благоразумно удалился с поля боя в мою спальню. Джаджи считает, что дети – это не так уж и плохо, просто сразу ему целого ребенка не съесть, а Барри считает их ценными раздатчиками вкусняшек и потому неотступно за ними следует, подхватывая на лету и с полу все те крошки, что с детей сыпятся, – он даже попытался слизать шоколадные следы на подушках, в то время как Эдвард старался его оседлать. Барри и не сопротивлялся, ведь ему это казалось малой ценой за вкусняшку в виде шоколадной размазни на подушке. На его месте Джаджи уже откусил бы ту руку, что тянула его за загривок, и на мой взгляд это было бы неплохим уроком маленькому деспоту, сеящему вокруг себя хаос!

– Все хорошо! – уже открыто врала я. – Барри любит детишек, да и ковер почистим, а уж подушки так и вовсе легко стираются. Я на них все время красное вино проливаю. «Наездников» новых купим, а Джейн я ничего не скажу про косметику. Вообще даже и заикаться не буду, а если она спросит, скажу, что она сама свои губнушки на какой-нибудь вечеринке потеряла. Видишь, все будет хорошо!

– Нет, – зашмыгала вдруг носом Ханна, а потом и вовсе

расплакалась. – Не будет хорошо. Не будет. Так будет постоянно. Он неисправим. С момента, как он открывает утром глаза, и до момента, когда их закрывает ночью, он все вокруг себя ломает. Он даже днем уже не спит. Раньше он хотя бы днем засыпал ненадолго и я тогда пыталась хоть как-то привести все в порядок или же просто хоть полчаса отдыхала от этого ада. Но этот маленький ублюдок перестал спать днем, он меня и этого перерыва лишил!

– Ублюдок! – старательно повторил Эдвард. – Ублюдок-ублюдок-ублюдок-ублюдок. Мама ублюдок. Бабушка ублюдок. Эллиен ублюдок. Ублюдкуудок. Папа ублюдок!

– Господи, Эдвард, нельзя говорить «ублюдок», это плохое слово! – просила Ханна сквозь слезы. – Пожалуйста, сыночек, не говори так больше, особенно про папу!

– Ублюдок! – радостно повторил Эдвард.

– Черт! – вырвалось у раздосадованной Ханны.

– Чолт, ублюдок! – выдал Эдвард.

– Ох, Ханна! – промолвила я, передавая ей коробку с салфетками, а Эдварду шоколадное печенье, все равно уже подушки не спасти, а Барри от шоколада не помрет, ведь сожрал же он в прошлом году пасхальные шоколадные яйца и ничего, так что от шоколадного печенья хуже ему не будет. – Почему же ты не говорила, что тебе так тяжело с малышом?

– Но у нас же не принято жаловаться, так ведь? – хлопала носом Ханна. – Если начнешь жаловаться, так со всех сторон набрасываются, что я радоваться должна, ведь мне так

повезло, другие все на свете отдать готовы, лишь бы родить ребенка, а у меня вон здоровый резвый малыш, а миллионы родителей с больными детьми страдают, а у меня еще и дом полная чаша и крыша над головой, да еще и любящий муж и трое детей, так чего еще мне надо, что я тут жалуясь. И мне становится не по себе, получается, будто я с жира бешусь.

– Да кто такое говорит? Где тебе такое сказали? – удивилась я.

– Ну, на сайте *Webmums*, – проямлила Ханна.

– Ханна! – ужаснулась я. – Что ты потеряла на том сайте?

– Ну просто... Я хотела просто узнать, всем ли так тяжело с двухгодовалыми детьми, – ответила Ханна. – Я там на форуме просто спросила, нормально ли это, что тебя накрывает депрессией, особенно когда от мужа помощи не дождешься, ведь он все время на дежурствах у себя в больнице, так еще Эмили с Лукасом наседают на меня со своими требованиями и муж, когда с работы приходит, тоже требует внимания, и может ли кто поделиться, как они справляются с маленьким ребенком в придачу к подросткам. Так там на меня вылили такой ушат обвинений, что мол я пытаюсь сбегать с рук Эдварда, и с какой стати я заводила детей, если не хочу им уделять время, и что надо ценить моменты, пока ребенок маленький, потому что он быстро вырастет и я буду скучать по этому золотому периоду, и что у них самих по двадцать пять детей от новорожденных до сорокалетних, и тем не менее они ни секунды не страдали и не сомневались, ведь де-

ти – это цветы жизни, это просто я эгоистичная сука.

– Ох, Ханна, ну ты даешь. Не то чтобы я удивлена, но мне так и хочется сказать, «а ведь я предупреждала», не ходи ты на эти сайты! Сама знаешь, что там ловить нечего, кроме как иногда поугорать с какого-нибудь вирусного тренда, ну типа колба для пениса. Что же ты со мной не поделилась, что тебе так туго приходится?

– Не знаю, – проямлила Ханна.

– Чолт, ублюдок! – воскликнул Эдвард. Он был занят тем, что деловито пытался пристроить кубик *Duplo* в «дупло» Барри, а Барри изо всех сил пытался сохранять приличия и делать вид, что ничего непристойного у него под хвостом не происходит и это просто невинная детская забава.

– Помнишь, когда Джейн только родилась, моя мать как увидела ее, так и заявила, что в привлекательности ей не сравниться с ее другой внучкой, Персефоной, потому как у Джессики все, что не родится, непременно абсолютной прелести чистейший образец, и потом, не переводя дыхания, поинтересовалась, а не консультировалась ли я с врачами по поводу задержки развития у Джейн, потому как ребенок не удостоил старую ведьму вниманием и не заулыбался при виде ее физиономии, а ведь ребенку на тот момент было только три недели от роду, какого черта она от нее хотела? И вот тогда я подумала, что уж если от матери родной не дождусь, так хотя бы на онлайн-форуме среди таких же мамочек, что и я, найду понимание и сочувствие. Тогда я совершила ужас-

ную ошибку и запостила свой вопрос: разве я не права, что расстраиваюсь из-за подобной реакции на своего прелестного новорожденного ребенка? И тут на меня набросилась толпа баб с обвинениями в эгоизме, потому что я, такая сякая, не потеряла свою мать в аварии, и что она не умерла у меня раньше времени от натуги, пытаюсь вырастить и выкормить шестерых детей, и еще много такого в духе веб-мамочек, и что те отдали бы все на свете, лишь бы только их матери были с ними рядом и выражали бы недовольство внешностью и умственными способностями их отпрысков.

– А ведь точно, так и было! – вспомнила Ханна. – А я тогда ввязалась в бой и пыталась защитить тебя, так мне от них тоже досталось! Знаешь, я думала, что в то время интернет еще был в новинку и, возможно, люди тогда просто не знали, как себя там вести. И что уж спустя столько времени они, наверно, как-то исправились. Но нет. Стало только хуже. Мне кажется, что некоторые скандалистки из того времени так и остались там под теми же никами. Судя по всему, они все эти семнадцать лет так и просидели в интернете, раздавая направо-налево указания всем заткнуться и не выделываться, отчего их жизни наполнялись смыслом и им было хорошо от того, что они могут поучать остальных.

– Ханна, не ходи туда больше, – твердо сказала я. – Уж лучше читать колонки с комментариями в *Daily Mail* и обращаться в газету со своими вопросами и просить о помощи, хотя знаю, как ты к этому относишься. Ну и потом, у тебя

же есть я.

– Я знаю, – ответила Ханна. – Знаю, что у меня есть ты. Просто... я не хотела тебя грузить, понимаешь. Мне кажется, что я всем в тягость в последнее время. Вот пришла я к тебе в гости, а Эдвард тут беспорядок наводит, и мне плохо от этого. От нас немного радости и пользы, ведь так? Вот что я могу тебе дать? Только полпачки песочного печенья смогла донести, Эдвард ее по дороге раздербанил и съел половину.

– Но ведь я не про это, – возмутилась я. – Я ведь хочу помочь тебе! В любой форме. Если тебе надо выпить или же поплакаться в жилетку. Друзья ведь для этого, забыла? Когда тебя Тони Моррисон бросил, потому что ты была прыщавая, когда Джеймс Эванс всем раструбил, что я ему минет делала, а я не делала, когда Миссис Томпсон тебя несправедливо наказала за то, что кто-то бросил в нее использованный презерватив, а это была Кэролайн Уолкер, а миссис Томпсон подумала на тебя, когда мои родители разошлись, когда Дэн от тебя ушел, когда мне Саймон изменил, когда умер твой отец, потом когда мой отец умер, Ханна, мы всегда были вместе. Всегда. И с этим мы тоже справимся. Ханна, нет ничего, с чем мы с тобой вместе не справились бы, мы ведь вместе всегда.

Моя душещипательная и засердцетрогательная речь была прервана криками Эдварда: «ТА-А-АМ-М-МБЛ-Л-Л! ХО-ЧУ ТА-А-АМ-М-МБЛ-Л-Л!»

Пришлось звать на подмогу Питера, чтобы он помог вклю-

читать эту адскую приставку к телевизору. Недовольный Питер соизволил вылезти из своей комнаты и спуститься в гостиную, подключил приставку, нашел детский канал и даже отыскал передачу с клоуном Мистером Тамблом, и так некстати заинтересовался передачей, что сам залип в экран, как и Эдвард, который удобно устроился перед телевизором, зажав в пухлых кулачках шоколадное печенье и откинувшись небрежно на пристроившегося сбоку в ожидании шоколадной добавки Барри. Малыш зачарованно смотрел, как на экране мельтешил Мистер Тамбл, Питер тоже стоял как загипнотизированный, пришлось выманивать его из гостинной пачкой *Doritos*, чтобы мы с Ханной наконец смогли возобновить прерванный разговор без подслушивающего великовозрастного оболтуса.

– Знаю, ты права, – продолжала Ханна, – знаю, что надо было давно с тобой поговорить, просто я сама себе противна сейчас, а другим и подавно. И не знаю, что с этим делать. Эдвард отнимает все мое время, так что меня не хватает ни на Лукаса, ни на Эмили, а вечером, когда я доползаю полуживая до кровати, у меня уже нет сил на мужа, даже слово ему сказать и то сил нет, не до обнимашек или еще чего. Но ведь Эдвард не виноват, ребенок есть ребенок.

– Это пройдет, – заверила я. – Мы же через это уже проходили. Сама знаешь, что это не навсегда.

– Уже и не знаю, – вздохнула Ханна. – А что, если не пройдет? Я ведь уже не девочка, постарела с тех пор. А когда Эд-

врд в школу пойдет, так люди будут думать, что я ему бабушка, а не мать.

– Господи, и не говори! – воскликнула я. – Меня до сих пор коробит, как вспомню, что в ясельной группе я к одной женщине обратилась, спросила у нее, как зовут ее внучку, так оказалось, что та женщина была моложе меня и она привела свою дочь. Разве я виновата, что она выглядела как бабушка с такой ужасной прической?

– Я думала, что если буду сама сидеть с ребенком, то будет легче, – со вздохом продолжала Ханна. – Не буду мучиться угрызениями совести, как с первыми двумя, когда вышла на работу, но оказалось, что теперь меня гложет зависть, ведь Чарли может в любое время суток заниматься чем ему заблагорассудится и даже может гадить спокойно в свое удовольствие. А я даже в туалете не могу побыть с собой наедине. Либо Эдвард будет стоять рядом, пока я на унитаже сижу, либо все будет разрушено, когда я выйду из туалета! На днях я оставила его одного буквально на пару минут в детской, в которой, как в психбольнице, все обито мягким материалом, так все равно он умудрился порезать палец о выступ настольной лампы и своей кровью измазал всю комнату! Ну это нормально, а? Чарли же просто смеется и говорит, что Эдвард смысленый малыш. Мне кажется, что он скорее одержимый бесами, чем смысленый.

– Ну, малыши сейчас все гиперактивные, – заверила я ее. – Не думаю, что кто-то понимает, как работают у них моз-

ги, все малыши в этом возрасте беснуются и творят беспредел.

– Боже, как же здорово поговорить с тем, кто тебя понимает! Те, кто состоит в мамских группах, считают, что их детки просто идеальные, даже если те носятся по комнате, как черти угорелые. До Чарли вообще не доходит, как мне трудно совладать с Эдвардом, муж вообще отказывается в это вникать. Он на работе целый день, а когда возвращается вечером, то он у нас играет в любимого развеселого папочку, который не ругает, не наказывает, ничему не учит, просто бесится с ребенком заодно, а потом заваливается спать. А я получаюсь у них всегда плохим копом, от этого я еще больше злюсь на Чарли, и если уж на то пошло, мне кажется, что Эдвард – это единственное, что меня еще удерживает с Чарли вместе.

– Ну ведь это очень много, – заметила я. – Я все время повторяю, что Чарли совершенно не похож на твоего первого мужа, этого вонючего козла и придурка Дэна! Чарли хороший мужик. Тебе надо с ним просто поговорить, тебе надо ему сказать, что ты ждешь от него помощи, что он должен тоже включаться в процесс. Ведь это у него первый ребенок. И тебе надо ему объяснить, что быть отцом – это не только поменять подгузник и пощекотать ребенка. Иногда надо по уши влезть в его какашки и разгрести их голыми руками, и что Эдвард – это не сплошное веселье и смех, а еще и скучное нудное воспитание. У Эдварда есть не только мама, но и

папа, так что папе Чарли надо впрягаться, а то получается, что папа – праздник, а мама – мегера. Уверена, если ты ему обстоятельно объяснишь, что тебе нужна его помощь, то он поймет.

– Да когда же мне с ним разговаривать? Где мне время найти для таких душевных разговоров? Я так замоталась, тут еще Лукаса надо в школу возить, Эмили надо откуда-то все время забирать, мы с мужем вообще не пересекаемся. Не помню даже, когда мы с ним сексом в последний раз занимались, да и он ко мне охладел. Я думала, что мне надо сделать над собой усилие и попытаться стать ближе. Я даже купила одну штуку такую, секс-игрушку, чтобы вернуть огонь и внести остроту, но что-то потом побоялась ее на свет божий вытаскивать. Выглядит эта хреновина устрашающе, да и я даже еще батарейки туда не вставляла, ведь все батарейки у нас идут на игрушки Эдварда, а то он так орет, если его игрушки перестают пищать, мигать и светиться.

– Что за хреновина? – заинтересовалась я.

– Ну ты знаешь, штуковина здоровенная. Из секс-шопа *Ann Summers*, – заговорщически прошептала Ханна.

– Ты про дилдо, что ли? – шепотом спросила я, а то, не дай бог, Эдвард услышит и моментально пополнит свой вокабуляр еще одним непотребным словом. Не хватало, чтобы Эдвард выкрикивал посреди супермаркета: «Чолт, ублюдок, дилдо!»

Ханна кивнула утвердительно.

– Такая сложная конструкция, однако!

В нашей школе для девочек Ханна слыла самой непросвещенной и дремучей в вопросах секса. Пока все ученицы с усердием штудировали книжку «Радости секса», которая передавалась из поколения в поколение школьниц нашего закрытого пансиона (в целости и сохранности, ни одна из страниц не была заляпана ничем липким, ведь это же не мужская школа), Ханна в ужасе отворачивалась, если видела иллюстрации, на которых в причудливых позах изображались бородатый мужик с не менее волосатой партнершей. Мы с интересом изучали рекомендации в журнале *More* по поводу модной позиции на неделе, а также следовали советам из *Cosmo* поближе познакомиться с помощью зеркала со своими дамскими прелестями, на что Ханна неизменно твердила, что она читает в этих журналах исключительно статьи о моде, а не какие-то экзотические непотребности. Поэтому я не удивилась, когда в сорокет Ханна заявила, что вибратор для нее является сложным техническим прибором.

– А что там сложного? – мягко поинтересовалась я.

– Ну, к нему прилагается пульт управления! – шепотом продолжала Ханна. – Ума не приложу, зачем пульт нужен? Ведь когда вы занимаетесь сексом, вы же находитесь рядом друг с другом, а не так, что один на первом этаже, а другой на втором? И потом, если ты наедине с вибратором, то зачем тогда пульт управления? Для чего он нужен?

– М-м, трудно сказать, – согласилась я. – Хотя, когда ты

наедине сама с собой, наверно, удобно держать пульт и видеть все кнопки, вместо того чтобы извиваться как змея и искать нужную кнопку. Да и с возрастом гибкость связок и подвижность суставов снижается, знаешь ли. Поэтому, наверно, столько пожилых дам ходят на йогу – у них небось в спальне вибраторы старой модели без пультов управления, а новые они не торопятся покупать, потому что раньше вещи делали добротные, на века!

– Просто сперва надо нажать кнопку «Вкл», и все! – продолжила настаивать Ханна.

– Ну вообще-то да, это же так просто. А я-то надеялась, что разгадала загадку, почему так много восьмидесятилетних старух корячится на йоге, – разочарованно протянула я.

– Ой, даже думать не хочу про всех этих Глэдис-Дорис с их добротными дилдами, – отозвалась Ханна. – Вот ты все знаешь, я лучше у тебя спрошу, а то гуглить боюсь. На пульте так много кнопок, для чего они все нужны? В инструкции ничего не сказано.

Да благослови господь Ханну. Она, наверно, единственная, кто внимательно читает и разбирает инструкцию по использованию вибратора.

– Ну наверно, такое разнообразие кнопок свидетельствует о разнообразии предпочтений людей, – предположила я. – Я думаю, что нужно просто пройтись по ним всем, чтобы понять, какой режим тебе по вкусу. У меня тоже есть такая штука, и принцип работы у нее такой же, как и у елочной

гирлянды: перебираешь режимы, пока не наткнешься на тот, от которого у тебя и твоих гостей не случится эпилептического припадка.

– В смысле? – с ужасом спросила Ханна.

– Ну вспомни, приходится же кругами перебирать все режимы на мерцающей гирлянде, пока не поймашь тот, который не раздражает и хочешь оставить.

Ханна понимающе закивала головой.

– Ну и здесь, видимо, так же. То есть в конце концов ты найдешь то, что тебе доставляет максимум удовольствия, но до этого придется перепробовать все или же бросить все к чертовой матери и пойти смотреть следующий эпизод «Очень странных дел». Но ты, Ханна, говорила, что сильно устаешь, так к чему вибраторы и потуги на секс? Ты думаешь, что Чарли это нужно? А как же ты сама, ты этого хочешь?

– Не знаю я, – жалобно промолвила Ханна. – Я просто хочу, чтобы было как раньше. Мне кажется, вот однажды ночью врублю я эту хреновину, и Чарли так заведется, что забудет себя от страсти, и мы с ним опять будем вместе и, может, поговорим друг с другом, и все станет опять хорошо. Не знаю я. Скорее всего, ты права и нам надо сперва поговорить, а после этого все остальное. Это просто я не могу ничего – у всех получается, а у меня нет. И как другие умудряются жить такой насыщенной половой жизнью, а? Вот одна мамочка с занятий «Малыши и музыка» поделилась, что

они с мужем устраивают ночь любви каждую неделю и ведут календарь свиданий в *Outlook*.

– А что, она на занятиях по музыке про это самое распространяется? – удивилась я в ответ.

– Из нее так и прет, – мрачно сказала Ханна. – Аманда просто чудовищное сочетание старого доброго недержания информации с едва сдерживаемым бахвальством. «О-о-о, я так устала сегодня, наверно, ужасно выгляжу. Всю ночь не спала, не могла определиться с выбором ручек для шкафов своей новой немецкой кухни “Погенполь”, а потом еще Марк напомнил, что у нас годовщина, именно в этот день он сделал мне предложение в самом сердце Парижа, в президентском номере легендарного отеля *Four Seasons George V*, так что пришлось отпраздновать прямо в постели». Она из тех модных мамочек, у которых соевое молоко из груди льется, а ребенок такой идеальный, что хоть в рекламе памперсов снимай. Я там такая одна. Остальные либо упругие двадцативосьмилетние целлулоидные куклы, которые после родов тут же вернулись в форму, либо мамы постарше, но с первенцем – так эти изо всех дыр источают благодарность за то, что родили. Одна мне так и заявила, что ее дитя особенное и отличается от моего, потому что своего она зачала с помощью ЭКО. И ни у одной из них нет детей-подростков. Так что на меня с моими жалобами они смотрят как на сумасшедшую, ведь сами они #НаслаждаютсяКаждымМоментом и пребывают в #Благодати.

– Во-первых, Аманду надо заказать, – твердо заключила я. – Есть у меня на примете киллер из Данди, помнишь, в одном пабе нам о нем говорили. Всего-то триста фунтов! Может, по знакомству мы сможем договориться убрать двоих по цене одной, Аманду и Мариссу заодно?

– Эллен, ну мы это уже обсуждали. Нельзя убивать людей только потому, что они тебя раздражают. Да и вообще, Марисса не такая уж и плохая. К тому же придется ехать в этот городишко, а это далеко. Ты вообще была когда-нибудь в Данди?

– Нет, не была, – ответила я. – Далековато туда ехать. Хотя там, говорят, открыли новый музей дизайна V&A. Мы могли бы туда прошвырнуться на выходные.

– Нет, что ты, – заартачилась Ханна. – У меня и так забот полон рот, еще и в Данди ехать, чтобы киллера нанимать для Мариссы с Амандой.

– Во-вторых, ты и сама, наверно, догадываешься, что ни одна из этих мамочек не идеальна, как бы они ни тщились это показать. Бьюсь об заклад, что половина из них с трудом сдерживается, чтобы не размозжить свою голову об пол прямо во время занятия музыкой или же не воткнуть себе в уши маракасы, только чтобы не слышать в сто пятьсот раз эту нудную песенку «Намотай катушку на член», но ведь курс занятий оплачен на месяц вперед, так что приходится терпеть. И даже если другая половина мамаш все еще самодовольно считает, что они лучшие родители на свете и вправе

осуждать других, то подожди, придет время! О да, наступит то время, когда отпрыски этих идеальных родителей накопятся на них с осуждением и обесцениванием, и вот тогда-то до них дойдет, как они заблуждались!

Я и сама такая же была во время беременности Джейн: тусовалась в супермаркетах, толкала впереди себя тележку со всякой вкусной модной снедью, самодовольно поглаживала себя по животу и метала осуждающие взгляды на родителей с визжащими малышами, рвущимися на свободу из продуктовых тележек и колясок, хватающих с полок все, до чего могут дотянуться, чтобы швырнуть этим в других покупателей. Тогда я самонадеянно думала: «Как же не стыдно этим родителям и как это они не приучили своих детей вести себя прилично на людях? Их дети понятия не имеют о личных границах! Вот поэтому-то они так надрываются сейчас. Уж мой ребенок никогда не будет так себя вести! Ведь я ему все доступно и понятно объясню, что, где и как мы делаем. Я ему внушу, что нужно примерно сидеть в тележке, прилично вести себя в кафе, а если ребенку станет скучно, то я всегда найду, чем его занять, и уж никогда не буду затыкать его едой или подкупать сладостями. Ведь дети не собаки – если все время давать еду в качестве поощрения, то они усвоят нездоровые привычки и у них будут проблемные отношения с едой всю жизнь. И уж, конечно, ни при каких обстоятельствах и ни при каких условиях я не позволю своим детям есть эти вредные кукурузные палочки. Это же омерзительно,

откровенное издевательство над ребенком!»

Ну а потом родилась Джейн, и с меня это самодовольство как рукой сняло: тогда-то до меня дошло, что бедные родители на самом деле старались изо всех сил, а все дебилские руководства для молодых родителей, что советуют занять чем-нибудь ребенка, поговорить с малышом, объяснить ему, а не ругать, не скармливать в качестве отвлекающего маневра всякую снесь, устанавливать личные границы – все эти тупые книжки были написаны идиотами, которые в глаза не видели живого ребенка.

От этих книг может быть польза только в том случае, если их прочтает твой ребенок. И вот тогда, быть может, ребенок уразумеет, что пока мамуля покупает здоровую пищу, нужно сидеть смиренно в тележке и слушать отчаянные причитания мамули: «Смотри, яблочки, ой, какие красивые яблочки, ты же любишь яблочки, да? Ням-ням яблочки, давай, мой хороший, купим яблочек, что скажешь на это, а? Мой маленький, яблочки, да? Вкусные, да? Ну послушай же мамочку, мой хороший, мама изо всех сил пытается с тобой общаться, мама старается слушать и слышать тебя, мой сладкий, да, мама знает, что ты хочешь на улицу, знает, что тебе не нравится в магазине. Но сейчас нельзя вылезать из тележки, сиди смиренно, мама же тебе объяснила, помнишь, мы с тобой договорились, когда сюда ехали, что ты будешь слушаться и сидеть смиренно, потому что нельзя выпрыгивать из тележки, черт бы тебя подрал, слышишь ты меня или нет?

Давай я тебе дам батончик из воздушного риса, может, ты тогда заткнешься, да? Попробуй, м-м-м, как вкусно, какой батончик сладкий, не бросай батончик в людей, черт подери, да что же это такое, поставь на место банку, не бросай сказала, все, все, поставь на место. Кукурузные палочки? Да? Хочешь кукурузные палочки? Господибожемой. Сейчас ты весь в сахарной пудре, знаю, что кончилось, больше нельзя, мама сказала нельзя. Может, хочешь фрукты? Ну-ну, хватит кричать, мама знает, что ты не любишь фрукты, перестань орать, а то вон беременная тетя глядит на нас сычом, и мне приходится делать вид, что ничего не происходит. Вот, смотри, что у меня есть, перестань ты орать, давай уже поедем в отдел с конфетами, мама тебе насыплет шоколадное драже, окей? Да, дам тебе шоколадок. Не трогай оливковое масло, оно же дорогое, холодного отжима, рафинированное, ой ё, и тут эти беременные пасутся, что ты устави́лась на меня, ле-ди, подожди немного и у тебя такое будет, подожди, вот разродишься, а у тебя дома туалетная бумага кончится, так что и тебе придется хватать это орущее дитя в охапку и тащиться с ним в магазин, где будешь его яблочками отвлекать, нет-нет-нет, мы не покупаем яблоки, мама знает, что ты не любишь яблоки, да и все фрукты, ведь фрукты – это зло, мама не будет класть яблоки в тележку, что ты, успокойся, аллилуйя, вот и отдел со спиртным».

– То есть третьего ребенка ты не планируешь? – сухо прервала меня Ханна.

– Какого черта? Конечно, я немного тревожусь о том, что я буду делать, когда эти двое отчелят, но, спасибо, нет! И вообще, это же твоя ситуация, а не моя. Что нам с тобой делать?

– Ума не приложу. Мистер Тамбл через пять минут кончится, и я опять потащу своего Конана-Разрушителя домой, а там надо ужин готовить, а то он разорется от голода и начнет мучить кота и пытаться его съесть. Так, по-твоему, вибратор не поможет?

– Мне кажется, если попробовать с Чарли поговорить, то это может помочь.

– Точно такие же советы я в *Cosmo* вижу: «Хотите придать чувствам остроты? Поговорите об этом со своим партнером, поделитесь с ним своими фантазиями». А как я об этом расскажу?

– Ну, – неопределенно протянула я. – Вытащи эту хреновину и апробируй ее на Чарли. Или пусть он ее на тебе испробует.

– Как на мне? А на Чарли как я ее испробую? Каким образом? Куда? Господи, это что же, мне еще ему туда? – Ханна в ужасе от представленного замолчала.

– Ну, наверно, туда, – сказала я еще более неопределенно. – Не уверена на сто процентов, конечно. Я себе такой приобрела только после развода. Ни с кем его не делила. Но думаю, что в журнале тебе бы посоветовали им воспользоваться именно так. А вообще, загугли, Ханна, что ты как эта!

– Не могу я это гуглить! – в ужасе воскликнула Ханна. – Не могу! Я же забуду удалить историю поиска, а вдруг потом Эмили или Лукас залезут в мой ноутбук за фотографией для моего надгробья и увидят запросы в интернете по типу «Можно ли вибратор засовывать мужчинам в зад?». Ты что! Они же эти психотравмы будут всю оставшуюся жизнь залечивать!

– Ой, в твоей истории поиска наверняка есть что-нибудь и позабористее, – пошутила я.

– Ты о чем?

– Ну, – сказала я, махнув рукой в сторону телевизора. – Есть такие форумы для мамаш, где они фантазируют на тему кувырканий с Мистером Тамблом в постели.

– Что ты, конечно же нет! Нет и нет! – возмутилась Ханна.

– О да!

– Откуда ты знаешь о таких вещах? – с отвращением на лице спросила Ханна.

– Ну я-то женщина одинокая. Мне иногда бывает скучно. Я торчу на *Reddit*. Там кто-то об этом заикнулся. Я специально ничего не искала и в моей истории браузера ты не найдешь запросов типа «секс-форум Мистера Тамбла», и уж тем более я на таких форумах не сижу. Но судя по постам в *Reddit*, многие женщины западают на его сексуальные руки, у них это прям фетиш...

Как назло, из телевизора в этот момент Мистер Тамбл выдохнул: «О да!» – мы с Ханной аж застыли от такого совпа-

дения.

– Ващеее! – промолвила Ханна. – Ну, по всей видимости, Мистер Тамбл кончил, точнее, закончился. Слава тебе, господи! Так, Эдвард, собирайся, нам пора идти домой!

После продолжительных уговоров, подкупа, обещаний, заверений, что его уже заждались и папа, и Эмили, и Лукас, а еще пакет кукурузных палочек, а также после применения физической силы, чтобы впихнуть его в автокресло, Ханна наконец-то отчалила с ревущим Эдвардом домой.

Я поднялась наверх и стала стучать в дверь Питера. К моему удивлению, вместо невнятных криков из-за двери он сразу открыл мне.

– Питер! – сказала я, стараясь не выказывать удивления. – На ужин будет паста, окей?

– Да я ваще-то ухожу, – буркнул он. Я с трудом удержалась, чтобы не сказать ему выпрямить спину, убрать патлы со лба, взять у сестры ободок или резинку для волос и разговаривать нормально.

– Ох. И куда?

– Ну типа к Тоби. У него новый *Warcraft* и мы хотим запилить марафон.

– Кто это мы?

– Типа мы все. Лукас, Олли, Грег, Том, Маркус.

– Кто такие Грег, Том, Маркус? Это Маркус Коллинз, что ли?

– Не.

– А что с ужином тогда? Сэм в курсе, что у него толпа пацанов будет? Он вас кормить собирается? Тебя же надо подвезти? Я тебя отвезу.

– Не, ма, не надо. Я на автобусе, мы с Лукасом договорились там встретиться, – с грохотом спускаясь по лестнице, от чего содрогался весь дом, бросил мне на ходу Питер. По пути он зацепил на кухне две пачки *Doritos* и вышел.

– Когда тебя ждать? Ханна только что была здесь, ты бы мог с ней поехать и у них дома с Лукасом встретиться, от них бы поехали к Тоби, Питер! ПИТЕР!!!

Питер лишь свысока поцеловал меня в голову и ушел, бросив небрежно «Ма, пока», и даже не удостоил внимания, а уж тем более ответа, ни один из вопросов своей встревоженной мамочки. Мои крики наткнулись на захлопнувшуюся за сыном входную дверь. По крайней мере, успокаивала я себя, он же едет к Тоби, к сыну моего друга Сэма, так что я смогу позже проверить, доехал он к ним или же таскается по улицам с бандой хулиганов. Хотя вряд ли Питер свяжется с бандой, опять-таки успокаивала я себя, ведь по натуре хулиганы – экстраверты и тянутся к разного рода уличным тусовкам, а Питер с рождения не тяготел к социальному общению и долгому пребыванию на улице.

Если вдуматься, то странно получается: я столько времени посвящала тому, чтобы у моих детей была активная общественная жизнь, организовывала для них совместные мероприятия, тщательно подбирала друзей для игр, чтобы там не

было заклятых школьных врагов и вредных девчонок. Мне самой приходилось дружить с людьми, у которых были дети, только ради того, чтобы их дети подружились с моими детьми, а потом вдруг в один прекрасный день все закончилось. В том смысле, что мои дети все еще ожидают от меня бесплатных водительских услуг, но о своих нынешних друзьях мне не говорят ничего, и я развожу по домам толпу лоботрясов, в которых не узнаю прежних малышей, лишь иногда кто-нибудь из них поднимет свою лохматую голову над своими здоровенными кроссовками и тогда я смутно угадаю в этом акселерате Ноя Робинсона, которому стало плохо на дне рождения Питера в шесть лет, после того как, объевшись сладкого, он стал чересчур рьяно бегать вокруг стульев. Или же когда одна из гламурных девиц отведет свои выпрямленные волосы от лица и под толстенным слоем контуринга и татуированных бровей (вот не пойму, что все так помешались на бровях?) я угадываю Эллу Уилсон, которая много лет тому назад обмочилась, сидя у нас на диване (и почему мои чада всегда дружат с детьми, которые не могут удерживать в себе жидкости?).

А бывает еще хуже: вот иду я в пятницу вечером в магазин, чтобы купить бутылку вина (лишь одну на все выходные), и понимаю, что девушка на кассе – это Сьюзи Эванс, которая так некстати устроилась на подработку в вечернюю смену в местном универмаге, и я пытаюсь с юмором и шуточками дать ей понять, что винишко покупаю для гостей на

выходные: веришь-нет, Сьюзи, и как там твоя мама поживает? А она в ответ только вздыхает и говорит с укором, что не может продать мне алкоголь, так как лицензию на продажу алкоголя дают с двадцати одного года, а продавцу, то есть ей, только семнадцать, хотя покупатель может приобретать алкоголь с восемнадцати. И потом она смотрит на меня с такой жалостью, потому что думает, что две бутылки совиньона и семейная пачка чипсов – это и есть весь мой ужин, чего еще нужно такой старой кошелке, как я, ну и черт с тобой, Сьюзи, может это и есть весь мой ужин, так что иди-ка ты к черту, потому что это ты обкакалась на детском празднике, так что не тебе меня судить, засранка. Ну конечно же, вслух я такого юной леди не скажу. Но ведь потом, когда я сталкиваюсь с мамой Сьюзи на улице, она тоже смотрит на меня с жалостью, и тогда я делаю вывод, что вино надо брать в другом магазине, в котором не работают одноклассники моих детей. Пока не работают.

На протяжении многих лет я была посвящена во все нюансы и подробности жизни своих детей, выслушивала их бесконечные рассказы, что Милли сказала Тилли и что на это сказала Софи, да не та Милли, мама, а вот эта Милли, отвечала на дурацкие вопросы о любимом покемоне и подвергалась критике за то, что у меня неправильный любимый покемон, и всей душой желала, чтобы этот непрерывный словесный понос прекратился хоть на пять минут, и тут ни с того ни с сего он иссякает! Как по волшебству! И от этого

становится не по себе.

Сейчас я как мать в каком-то подвешенном состоянии. Я им вроде и нужна, а вроде и не сильно. Мой дом иногда заполняется шумными зловонными голодными существами, но мне не дозволено спрашивать, кто они такие, чем занимаются или же почему они считают нормальным наваливать горой в мусорное ведро упаковки от чипсов, а мне потом разбирай эти завалы как в игре «Дженга». Я им мать, но в какие-то моменты кажется, что они мне совсем чужие. Я ведь знаю про них буквально все, и в то же время кажется, что я их не знаю совсем. В глубине души я понимаю: это оттого, что они и сами не совсем понимают, кто они есть – они все еще в переходном возрасте, переходят от детей, какими были, ко взрослым, которыми когда-нибудь станут, но от осознания этого мне нисколько не легче.

Эта ситуация сбивает с толку. Не о таком я мечтала. Я просто хотела, чтобы они перестали на меня постоянно дуться и ели овощи без капризов и препирательств, давали мне спокойно сходить в туалет и вечером выпить джина с тоником. Пока они были маленькими, мне и в голову не приходило, что это когда-нибудь кончится – каждый день казался вечностью с этими нескончаемыми «Телепузиками», конструкторами *Duplo*, «Спокойной ночи, малыши!», бесконечными подтираниями грязных поп и несмолкающим визгом. И вот на тебе, наступил конец! Так еще ведь были полчища старушек, что совали нос не в свои дела, поучали тебя именно то-

гда, когда тебе не до них, и советовали ценить эти моменты, потому что дети быстро вырастают. (Помню, стою я посреди супермаркета с Джейн, которая визжит как резаная, потому что я не разрешаю открыть в торговом зале приглянувшуюся ей бутылку текилы, а Питер у меня на руках срыгивает мне же в бюстгальтер, и меня это все так достало, что я начинаю в голос выть: «Черт, я не могу больше! Боже, как же меня все достало!» И тут эта сердобольная старушка подходит и гладит меня по руке, приговаривая: «Цени это время, дорогуша! Вот они вырастут, и ты будешь скучать по этим денькам!» В ту секунду я еле сдержалась, чтобы не раскроить ей голову бутылкой текилы, что отобрала у Джейн. Столь же непреодолимым было и желание открыть ту бутылку и начать хлестать текилу из горла посреди торгового зала.) Вот чего-чего, а тех денечков мне нисколько не жаль. После того я ни разу не останавливалась посреди супермаркета и не предавалась сладостным воспоминаниям: «Ой, как же было здорово, когда один рядом ковыляет и канючит “Мама купи, мама купи, мама хочу, купи мне это, мама”, а другой прыгает в тележке и пытается из нее выскочить и разбить себе голову о кафель, и чтобы мы потом мчались в травмпункт, в который раз».

Не скучаю я и по вытиранию грязных поп или же отдиранию клея с глиттером со всех поверхностей в доме, как будто тут гарцевал озабоченный единорог и метил своей блестящей спермой всю территорию. Но как-то обескураживает,

что ты перестаешь быть центром двух детских вселенных – единственным утешением в любом горе, чудесным спасением от любой боли, неиссякаемым источником мудрости и радости – и вообще перестаешь существовать для своих детей. Хотя время от времени они обо мне вспоминают. Если Джейн опаздывает на последний автобус из города, то я обязана сжать пространство и время и в ту же секунду оказаться рядом на машине, чтобы доставить ее домой, или же если Питер не может найти еду в холодильнике («Я не понял, в смысле прямо под носом?»), или же пошел дождь, а им приспичило куда-то ехать, или же им понадобились деньги, то тут они сразу вспоминают про женщину, которая дала им жизнь, удовлетворяла все их потребности и жертвовала всем ради их благополучия и счастья. Обычно вспоминают они обо мне в самое неподходящее время, именно в тот момент, когда у меня свои планы.

Черт возьми, но ведь иногда они говорят спасибо! Не часто такое случается, но все же. Обычно они воспринимают мою помощь как должное и требуют, чтобы я не смела обращаться к ним, если они в тот момент тусуются со своими друзьями – это для них смерти подобно. А я специально тогда громко зову перед их корешами «моего сладенького пирожочка» и подолгу заверяю, что мамочка их сильно любит. Ведь должна же я хоть когда-то отыгрываться, где компенсации за все мои страдания? Что ты за мать такая, если не можешь злонамеренно и изошренно чмырить своих отпрысков

перед их же друзьями.

Однажды я им пригрозила, что в следующий раз, когда их друзья придут к нам в дом, то я буду специально прохаживаться перед ними без лифчика. Только так удалось заставить их прибраться в комнатах и в доме. Да, славная была неделька! Пока до них не дошло, что я блефую и сама ни за что не сниму лифчик перед толпой подростков, так что все быстро вернулось на круги своя. Джейн однажды просто остолбенела, когда я сознательно и намеренно сказала ее подругам, что я не просто мама, а классная мама. Был у меня как у матери такой триумфальный момент. У Джейн из ушей аж пар повалил, ну и повеселилась же я тогда, смеялась до колик в животе.

Годами мне не хватало времени ни на что другое, кроме детей. «Вот если бы у меня была минутка для себя», – мечтала я тогда. А тут на тебе – не в прекрасном отдаленном будущем, а уже прямо сейчас, со дня на день, такое время придет. Я годами жонглировала столькими задачами, крутилась как белка в колесе, успевала повсюду как супермен, так что даже и не знаю, что я делать буду, когда у меня появится свободное время. Придется остановиться и посмотреть, кем я стала, кто я теперь такая. А что, если мне не понравится та, кем я стала? Что, если я увижу лишь скучную тетку среднего возраста, которая всю жизнь отдала своим детям, а теперь, когда они выросли, у нее ничего своего не осталось и она только и может, что лезть к ним в жизнь? Что, если во мне

ничего своего больше нет? Никаких внутренних ресурсов? Были, да сплыли?

У нас на работе полно проектов чисто для освоения бюджета, так, в рамках одной из таких расходных статей наши власть предержащие пригласили консультанта, чтобы провести с нами беседу и убедиться, что все сотрудники – нормальные вменяемые люди без латентных психических отклонений и желания броситься на коллег с дыроколом. В ходе моей беседы был момент, когда консультант попросила меня назвать десять вещей, которые я бы хотела сделать для себя самой.

– Ахаха! – рассмеялась я. – Всего-то десять? Боюсь, что их намного больше, десяткой не обойдемся! Перво-наперво приму расслабляющую ванну. Затем погружусь в чтение и при этом обязательно сделаю так, чтобы дети не мешали моему полуденному отдыху ни лично, ни через эсэмэски, ведь я отправлю их к отцу. А потом... после этого...

– Продолжайте, не торопитесь, – любезно промолвила консультант.

– Эмм, даже не могу определиться, – соврала я. – Потом я... прям не знаю. – Вообще не знаю, что потом. Господибожемой! А что я потом делать-то буду?!

Консультант заверила меня, что такой ступор вполне понятен, многие сталкиваются с трудностью составить список занятий, хотя первоначально им кажется, что это проще простого. Она посоветовала мне пойти поразмыслить, уделить

время самой себе и начать «детокс от стресса». Естественно, я тут же забыла про этот список, потому как дел на работе без того полно, но видно, сейчас пришло то самое время, когда надо составить список дел, которые я хочу сделать для себя самой. Круиз по Нилу, быть может? Хотя если в круизе никого не пришьют, я буду разочарована. Может, отправиться в конный поход? Видела я как-то рекламу такого путешествия, галопом по пустыне до самой иорданской Петры! Но ведь я лошадей боюсь и ездить верхом не умею.

Я продолжала размышлять над списком и одновременно мысленно переставляла мебель и подушки, чтобы скрыть те пятна, что остались на мебели после Эдварда (с винными пятнами мне удавалось справиться быстрее), и внушала себе, что провести субботний вечер наедине с собой – это просто отличная мысль, да и Джейн отписалась, что сегодня домой не вернется, потому как ночует у Оливии. Я воздержалась и не стала просить маму Оливии связаться со мной, чтобы проверить, так ли это на самом деле, ведь Джейн уже почти восемнадцать и ничто не настроит ее против меня больше, чем если я буду перепроверять ее слова. И вообще, она скоро уедет в университет и тогда я совсем не буду знать, что происходит в ее жизни, разве что она сама соизволит со мной поделиться, но молю тебя, Господи, не дай ей залететь или же сесть на иглу до того. Ну, я в том смысле, что не дай ей присесть на наркотики вообще по жизни, а не только до или во время учебы в универе. В любом случае, я надеюсь, что

ей удастся поступить в университет, и все зависит от того, как она сдаст выпускные экзамены, а ведь она до сих пор так и не взялась серьезно за подготовку, отмахивается от меня – «Расслабься, мать» – каждый раз, когда я невзначай напоминаю ей, что, может быть, она уже сядет и повторит материал к экзаменам и хотя бы чуть-чуть притормозит с вечеринками наконец?

Я устроилась на диване с бутылкой белого вина и пачкой чипсов, моим питательным и полезным ужином, прикинула, на сколько эпизодов «Ведьмака» меня хватит, пока я не засну крепким сном, и в скольких из них Генри Кавилл обнажит свое тело. Конечно же, такие мысли не политкорректны, ибо объективируют мужчин. И нехорошо думать о Генри Кавилле только как о «зачетном теле». По ходу, мужчинам не нравится, когда их объективируют – такая мысль проследивалась в интервью с актером Эйданом «Долой рубаху, капитан Полдарк» Тернером. Но мне кажется, что после всех лет, что я слышала от мужиков грубое «Покажи сиськи, телка!» и вынужденно улыбалась на такое хамство в реальной жизни, я заслужила право позалипать на крепкое мускулистое тело хотя бы на экране, и пусть это станет очередным ударом по патриархату и двойным стандартам. Если на то пошло, мужчины в долгу перед нами за то, что абьюзили нас, женщин, на протяжении тысячелетий, и мы, женщины, заслужили право объективировать их сейчас так же долго, как и они нас. Лишь спустя много веков мы будем с ними квиты и со-

гласимся, что нельзя сводить личность лишь к кубикам на животе и увесистому прибору.

Я уставилась на свой телефон и подумала, а хватит ли у меня духу, чтобы позвонить своей матери, как и полагается любящей дочери. Решила, что не хватит. В данный момент все наши с ней телефонные разговоры сводятся к тому, что она подробно, в мельчайших деталях расписывает, каких первоклассных репетиторов Джессика наняла для своих наилучших, наиталантливейших чад, особенно для Персефоны, первенца-золотца, несравненной, единственной внучечки, которая претендует на сто баллов из ста, которая затмит всех в Кембридже, как и ее мать Джессика в свое время, после чего ей прямая дорога в юные премьер-министры. Мама с Джессикой лишь фыркнули на мое замечание, что вообще-то средний возраст для премьер-министров в этой стране пятьдесят с лишним лет (а что такого, я загуглила), и после трех лет экстерната в университете, предположительно, Персефоне понадобится уложиться в три года, чтобы найти округ, от которого избираться, и провести предвыборную кампанию, и вот только тогда она сможет стать премьер-министром и, возможно, побьет рекорд, установленный в начале девятнадцатого века Уильямом Питтом-младшим, который стал премьер-министром в двадцать четыре года. Джессика что-то вякнула, что они сдадут все экстерном и наймут еще больше репетиторов, хотя сама Персефона умоляла своих родителей позволить ей отдохнуть после школы, взять год

на передышку и говорила, что она не хочет становиться премьер-министром и заниматься политикой, да и в Кембридже ее тоже не особо тянет, ведь ее больше привлекает Манчестер.

Я очень надеялась, что в вечернем эпизоде «Ведьмака» будет еще одна жаркая сцена в бане, но тут позвонил Саймон. Я сразу забеспокоилась. Обычно Саймон всегда общается текстом, а если он начинает звонить, значит, случилось что-то серьезное.

«Ну ведь вечер субботы, Саймон! – ругнулась я про себя. – Не мог ты подождать до понедельника, когда я буду на работе разгребать очередную кучу и твое сообщение погоды не испортит? – Почему-то я даже мысли не допустила, что его известие может касаться наших ненаглядных деток, ведь тогда по-любому мне придется спешить им на выручку, но в таком случае они бы сами мне позвонили, хоть я им и все время внушаю, что у них два родителя, которым они могут звонить в случае необходимости / просить о помощи / требовать поддержки / подбросить куда-либо / внести залог (до внесения залога не доходило еще, пока. Интересно, требуется ли вносить залог за несовершеннолетних?)»

Пришлось ответить. Взяла трубку и довольно сухо сказала:

– Привет, Саймон. Что тебе надо?

– Э-э, ну это, я подумал, не хочешь ли ты сегодня вечером со мной поужинать? – радостно спросил Саймон.

– В смысле? В ресторане? – с подозрением ответила я вопросом на вопрос, на случай, если он намеревался нагрять в гости и загипнотизировать меня, чтобы я начала варганить на скорую руку «простенькую» лазанью, ведь, по его мнению, лазанью готовить – раз плюнуть. Вот реально, убежденность одного из супругов, что готовить лазанью – легко, должно быть внесено в список причин развода как непристойное поведение!

– Ну да, в ресторане! В итальянском, например?

– Полагаю, если ты приглашаешь, значит, ты и платишь за ужин? – выясняла я все детали. На дворе, может быть, и двадцать первый век, и я безусловно считаю себя сильной независимой современной женщиной, но ужин на халяву – это ужин на халяву, особенно с учетом всех тех многочисленных поганых лазаний, что мне пришлось готовить в браке с Саймоном, так что он мне должен.

– Ну разумеется! Ну так что, ты за? Мне просто нужно кое о чем с тобой переговорить.

Ах, вот оно что. Ему что-то от меня нужно. Либо он хочет, чтобы я приглядела за их колченогой кошкой, пока они с Мариссой будут на парном ретрите прохладиться (хотя вряд ли, подозреваю, что Марисса мне не доверит свою ненаглядную киску), либо он сейчас объявит, что у Мариссы будет ребенок или что они решили пожениться, или и то и другое вместе. Однако они не могут с ней сейчас зарегистрировать брак, ибо мы с ним еще юридически не оформили наш

развод окончательно. Ах, вот оно что! Развод! «Эллен, дорогая, замечательная Эллен, такая милая и покладистая, самая лучшая бывшая женушка, давай уже покончим со всей этой бумажной волокитой! Избавь ты меня, пожалуйста, от всех этих юридических условий, что связывают нас, освободи ты меня от этих пут, которыми я был привязан к тебе на протяжении стольких мрачных, нудных, отупляющих лет, избавь меня от себя, пусть все останется лишь грустным воспоминанием, забудем все, ведь у меня теперь есть светящаяся, лучащаяся, блестящая Марисса, с ней я чувствую себя самым счастливым мужчиной на свете, она осчастливила меня своим согласием стать не только моей женой, но и матерью моего ребенка, для которого я, наконец, стану настоящим отцом, а не буду как с предыдущими детьми вечно уставшим после работы, спихивающим все на твои плечи, потому как это материнская работа, но сейчас благодаря Мариссе, нашим парным ретритами и семейной терапией на меня снизошло, я преисполнился и стал новым человеком, который уже не залипает в телик и не смотрит тупых “Махинаторов”, так что эти благословенные дети от нашего с Мариссой чудесного союза вырастут замечательными и завидными наследниками, которые всегда буду послушно есть овощи и слова плохого при этом не скажут!»

– Эллен? Эллен, ты там еще? Что молчишь? – прервал мои мысли Саймон.

– Да тут я, – вздохнула я. – Ну ладно, давай поужинаем.

Только тебе придется за мной заехать, а то я уже вина накартила.

– Не вопрос, заеду через полчаса, окей?

– Лучше минут так через сорок пять, – мрачно ответила я. У меня стало уходить больше времени, чтобы привести себя в презентабельный вид, не исключаю, что на ужине может быть и Марисса, вся такая окутанная духами и туманами, так что мне точно потребуется больше времени на сборы.

Ну вот реально, если они ко мне пристанут, то что мне делать? Только согласиться на развод, размышляла я, нанося тушь. И почему тушь ложится лучше, если не только распахнуть глаза, но и раскрыть при этом рот? Но до того, как я соглашусь, сначала закажу себе лобстера и стейк из филе, раз уж Саймон собирается платить за ужин, – с паршивой овцы хоть шерсти клок. А потом я могу притвориться, что их известие повергло меня в такую эйфорию, что злорадно закажу еще самое дорогущее шампанское и предложу тост за молодую пару, и пусть этот скряга поперхнет, когда увидит, сколько стоит бутылка, должна же я хоть на чем-то отыграться. Хотя Марисса, вероятно, начнет возражать и требовать поменять на какое-нибудь этичное экологичное справедливо-торговое вино. Она же помешана на этичном бизнесе, и каждый раз в ее присутствии я чувствую себя виноватой, что заказываю большущий жирнющий бургер, в то время как она обходится салатом из зелени и семян.

Решено! Марисса с ее салатами и проповедями об этике

бизнеса – не моя проблема (мой друг Сэм как-то попенял мне, что я напрасно взъелась на Мариссу с ее этичным питанием, более того, поедание салата не является преступлением против человечности, как я пытаюсь это представить), теперь это целиком и полностью проблема Саймона, и пусть он слушает ее этичную галиматью до конца своих лет. В том смысле, что это его личное решение. Ведь когда-то и мы с ним верили, что проживем вместе всю жизнь, и посмотрите, чем это закончилось.

Но если Саймону так уж невтерпеж жениться на Мариссе, то я за них рада и не буду со своей стороны чинить никаких юридических препятствий. Более того, даже если он и не женится на ней, то я все равно подпишу все бумаги. Давно пора поставить штампы и подписи на всех документах (их там так много, я, если честно, не разберу, что там делать надо) и поставить точку в этом деле. Закрывать эту страницу. Как зрелые сознательные взрослые люди. Хотя мне бы хотелось завершить эту историю так, как сделала одна дама, которая продала «Мазератти» своего неверного дружка-диджея на *eBay* за фунт, а потом дозвонилась к нему на радишоу и в прямом эфире сообщила ему об этом...

Саймон приехал в очень приподнятом настроении.

– Спасибо, что согласилась встретиться. Я не был уверен, что ты так быстро соберешься, – сказал он.

Он приехал один.

– Ой, а Марисса нас в ресторане будет ждать? – спросила

я.

– Нет, она на ретрите своем йожится, в смысле, йогой занимается, – пояснил Саймон. – Будем только мы с тобой. Ты не против?

– Нет, не против, – сказала я, а сама саркастично подумала, что я бы, наверно, тоже выглядела намного моложе своих лет, если бы проводила столько же времени вдали от суеты и тягот мирских, что и Марисса.

Велико было мое разочарование, когда выяснилось, что в ресторане нет лобстеров, но я решила, что в отсутствие надменной Мариссы и ее чопорного высокоморального салата мне не нужно отмахиваться от мыслей, какое фантастическое будущее ждет их с Саймоном, как только я подпишу ему вольную, а потому я не стала заказывать дорогие блюда – ее же нет, – чтобы ей насолить. Я взяла пасту, потому как если не можешь определиться, выбирай углеводы.

– Итак! – начала я, наколов оливку на вилку. Мне казалось, что поедание оливок всегда производит впечатление изысканного и элегантного вкуса, хотя во рту от них солено и пусто. Я двадцать лет пытаюсь повзрослеть и полюбить оливки, но увы, никак, потому я смирилась, что никогда не пойму и не приму оливки в качестве еды.

– О чем это ты хотел со мной поговорить?

– Ну, – замялся Саймон. – Наверно, надо было давно об этом с тобой поговорить, но все никак не подворачивался удобный случай. А теперь, боюсь, тебе покажется, что я пе-

рехожу черту и давлю на тебя... – начал он влиять.

– Продолжай, – сказала я, и за первой разочаровывающей оливкой последовала вторая.

– Ну, через пару недель Джейн исполнится восемнадцать, ведь так?

– Верно, я на всю жизнь запомнила тот день, когда из меня вылезла твоя большеголовая дочь, – с едва скрываемым сарказмом произнесла я, хотя потом пожалела, ведь с бывшими не стоит обсуждать свои дамские прелести, изуродованы они деторождением или нет. – Хотя обычно я напоминаю тебе о днях рождения твоих детей! – аккуратно свернула я разговор со своих интимных подробностей в сторону того, кто у нас больше всего виноват в том, что мы развелись, но вина Саймона в моих родовых травмах также неоспорима, потому как это же его дети распотрошили мне все внизу.

– Да-да, я знаю, – замялся он опять. – Ну, я хотел сказать, что дело вот в чем.

– Ой, да говори ты уже, Саймон, – не сдержалась я. – Выкладывай, что ты там хотел сказать. Ты что, отправляешься в отпуск и тебя не будет на этом знаменательном событии, когда твой первенец наконец вступит во взрослую жизнь, и теперь тебе понадобилось меня уговорить, чтобы я все это преподнесла твоей дочери так, чтобы она не обиделась и не дулась на тебя?

– Нет же! – возмутился он. – Конечно, нет! Я купил ей машину. Она же все время повторяла, что хочет машину, что

ей нужна машина, а у меня на работе один чувак продавал свою тачку, и я подумал, что это хороший вариант, поэтому взял и купил для нее. От нас двоих – от тебя и от меня. Чувак сделал мне скидку по знакомству, – добавил он с гордостью.

У меня сердце упало.

– Подожди, Саймон! Даже со скидкой, у меня нет денег, чтобы отдать тебе половину суммы за машину! И я не могу сейчас даже на автостраховку раскошелиться, а ведь еще потребуются деньги на бензин и прочее. Прости меня, но тебе реально надо было сперва обсудить это со мной. Это же нечестно, не сказав мне ни слова, не поставив меня в известность, пошел и купил у меня за спиной машину, и теперь думаешь, что я запросто отвалю половину суммы, я деньги не печатаю же!

Болван. Вот надо было мне заказать стейк! И вино дорогое, а не простое домашнее.

– В этом все и дело! Я не хочу, чтобы ты за что-то платила. Я за все расплатился, а мои родители дадут денег на страховку и еще в придачу на бензин. Я тебе сейчас говорю, чтобы ты потом не обижалась, что я все за тебя решил.

– Ну вообще-то ты взял и сам все решил за меня, разве нет? – сказала я, закашлявшись, как будто оливка попала не в то горло. На самом деле у меня комок в горле встал и слезы навернулись оттого, что я так плохо подумала о нем и что я такая жалкая и безденежная и не могу сама сделать подарок для Джейн, а ведь она будет на седьмом небе от счастья.

Но я попыталась переломить это чувство и порадоваться за Джейн, а также за Саймона, который наконец-таки созрел для широких жестов, но мне это не удалось, потому что я представила, как все те подарочки, что я выбирала для нее, померкнут перед машиной, которую ей подарит ее папочка, и это единственное, что она будет помнить всю жизнь о своем восемнадцатом дне рождения: «А что тебе подарили, Джейн? – О-о-о, мне же папочка подарил машину. – Вау! Круто! А что мама тебе подарила? – Что-то я и не припомню».

– Ну, если я не скидываюсь, то получается, что подарок не от нас двоих, так? Он от тебя и Мариссы!

Несмотря на тот факт, что я разработала довольно грамотную приложуху (доход от которой позволил закрыть ипотеку за наш семейный очаг) и сейчас зарабатываю почти столько же, сколько и Саймон, мой личный бюджет намного меньше, чем у него, потому как оба ребенка большей частью на мне, и хоть он исправно вносит по закону причитающиеся алименты, реальность такова, что основное финансовое бремя по содержанию детей лежит на мне. Ведь это я вывожу их на каникулы. Я покупаю им одежду и обувь, особенно обувь дорого обходится, изнашивается до дыр посреди учебного года, а из брюк Питер вырастает каждый месяц, потому что он жрет как на убой и растет как на дрожжах, а куцые юбки на Джейн сменяются с калейдоскопической скоростью и стоят эти мини уйму фунтов, что возмутительно, ведь лоску-

ты ткани, которые пошли на эту самую юбку, стоят приблизительно полпенса, но Джейн об этом и слышать не хочет, потому что все сейчас такое носят. А еще мне приходится кормить всех их друзей, когда те высаживаются десантом на ночевку у меня дома, и это я еще не считаю все те мелкие, но неизбежные траты на то и на се на каждом шагу. Но Саймону невдомек, что существуют такие накладные расходы, ведь он раз в месяц отстегнул алименты и свободен дальше тратить всю свою зарплату на себя любимого. Или не тратить – ведь Саймон у нас тот еще скряга, – но дело-то не в этом, а в том, что у него есть выбор и он может откладывать деньги, в то время как я постоянно выгребая все до последнего гроша на неожиданные финансовые «сюрпризы» от детей.

Ну конечно же я знаю, что у меня куда лучшая ситуация, чем у миллионов других людей, ведь у меня хорошая зарплата, и мне повезло, что бывший муж исправно платит алименты на своих детей и его не надо долбить судебными приставами, и я не за чертой бедности в конце-то концов. Я просто не могу себе позволить покупать машины направо-налево, и потому в глазах его детей я, наверное, не самый обеспеченный родитель, а Саймон у них теперь будет кем-то типа богатенького папаши Кэмерона из фильма «Выходной день Ферриса Бьюллера», у которого дома целый автопарк (хотя вряд ли, Марисса ему не позволит такую бессовестную роскошь по одной простой причине: это же вредно для окружающей среды), а я тем временем паникую и пытаюсь наскре-

сти денег на учебу в университете для Джейн, а через пару лет и для Питера.

– Это подарок от нас с тобой, – настойчиво повторил Саймон. – Я знаю, что ты тратишь на детей больше, чем я, и поэтому так будет справедливо.

Вот тут-то я буквально подавилась оливкой. И какого черта я продолжаю есть эти мерзкие оливки? Чтобы Саймон взял и открыто признал несправедливое распределение финансовой ответственности между нами – такого раньше не было!

– И потом, если бы ты не провела столько времени, сидя дома с детьми, не работала урывками на парт-тайме, наверное, твоя карьера была бы намного успешнее и ты бы достигла намного больше, чем я сейчас. Так что я у тебя в долгу. И это подарок от нас с тобой, так мы Джейн и скажем. Мы с тобой вместе купили для нее эту машину. Вот так.

Этот исторический момент был несколько смазан тем, что нам принесли наш заказ и надо было соблюсти дурацкий церемониал: сколько пармезана натереть и не нужно ли подсыпать перца из гигантской фаллической мельницы в руках официанта, ведь очевидно, что перец из перечницы на столе не обладает той остротой, что сыпется из огромного деревянного дилдо. И я всегда впадаю в замешательство, решая, какое количество пармезана и перца будет приличным, чтобы не показаться крохоборкой, хотя официант пока сыплет, сам про себя уже давно окрестил тебя жадиной, но с другой

стороны, паста карбонара – ничто, если ее не сдобрить горой пармезана и перца.

Наконец труппа комедиантов-официантов закончила свое мини-представление у нашего стола и удалилась восвояси, вот тут я и спросила: «А чему я обязана такой щедрой осознанности?»

Поймите меня правильно, я же годами просила, рыдала, билась в падучей, умоляла и орала на Саймона, пытаюсь донести до него, сколько сил я вкладываю в наши отношения, в наш брак, в наших детей, на что он всегда отпирался и обвинял меня в «чрезмерно эмоциональной реакции» и настаивал, что он тоже вносит свою лепту и ничего несправедливого или же неравного нет в том, как между нами поделены обязанности, будь то финансовые тяготы, работа по дому или же эмоциональный вклад.

Было заметно, что Саймон смутился от моего вопроса.

– Ну, знаешь, ретриты эти, на которые меня вывозила Марисса.

– Это когда Джейн сдавала экзамен по вождению?

– Ага, там было много ерунды, но среди прочего были и полезные моменты.

– Что ж, прелестно, только я не совсем понимаю, как ваши совместные с Мариссой медитации, или как вы там еще достигали просветления, сработали лучше, чем мое многолетнее битье головой о стену и призывы меня услышать?

– Там было упражнение на благодарность. Благодарность

своим партнерам. Я благодарен Мариссе за многие вещи, и это очевидно, ведь она очень добрая, она страстно верит во все свои принципы, не боится высказывать свое мнение, отстаивает то, что считает правильным, и секс у нас...

– Достаточно, будем считать, что ты ей благодарен за секс и хватит об этом, спасибо!

– Прости, я не о том хотел сказать. Это все, конечно, хорошо. Но ничто из того, что у нас с Мариссой есть хорошего, не повлияло значительно на мою жизнь, на то, кем я являюсь теперь. И потом, все эти вещи – я и в тебе их ценил тогда и признателен тебе за то, кем ты была в моей жизни и что сделала для меня. А потом я вспомнил тот ужасный период, когда мы ходили на семейную терапию и психотерапевт спросила меня, что я в тебе ценю, а я ляпнул, что твою лзанью. Мне было стыдно. Тогда я был придурком, неудивительно, что ты злилась, к тому же я в конце еще добавил, что нам надо отдохнуть друг от друга, и еще так удивился, когда ты затеяла бракоразводный процесс...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.